

Смертельные инвестиции

Автор:

[Хьелль Даль](#)

Смертельные инвестиции

Хьелль Ола Даль

Детективы Осло #1

Зверски убита Рейдун Росендаль, молодая красивая блондинка. Хотя в ее квартире все перевернуто вверх дном, соседи уверяют, что ничего не слышали. За Рейдун постоянно следил Арвид Юхансен, сексуально озабоченный пенсионер из дома напротив. Он считает, что убийца – молодой человек, который накануне провел с Рейдун ночь. Вскоре молодого человека тоже убивают. Общее в обоих преступлениях то, что перед визитом убийца звонил жертвам по телефону и бросал трубку. Детективы Гунарстранна и Фрёлик принимаются за очередное расследование.

Хьелль Ола Даль

Смертельные инвестиции

Роман

Kjell Ola Dahl

En liten gyllen ring

Published by agreement with Salomonsson Agency

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © Kjell Ola Dahl 2000

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Глава 1

В глаза как будто насыпали песку. С трудом разлепив их, он увидел серовато-белый потолок и понял, что уже наступило утро. Он явно не в своей постели, но где? Никак не мог вспомнить, где находится. Потом почувствовал ее руку у себя на груди...

Светало; по комнате поползли тени. Начинался новый день. Пора вставать и идти на работу.

Судя по всему, поспать им удалось совсем недолго. Постепенно глаза привыкли к полумраку; он разглядел ее силуэт. Увидел, что она вся в испарине, отчего кожа тускло поблескивает. Одеяло она сбросила к ногам.

Он с трудом заставил себя приподняться. Прислонился к стене, помотал головой. Выспаться совсем не удалось! Больше всего на свете ему хотелось снова лечь и укрыться одеялом с головой. Он бы непременно так и поступил, если бы не мастер. Вредный толстяк за полчаса опоздания срезает зарплату, как за полдня.

Половина шестого. Пока можно не спешить.

Он долго искал трусы и остальную одежду. Собрал все в кучу, сунул под мышку, побрел в ванную. Колонка в ее доме оказалась старая, включалась целую вечность. Ожидая, когда нагреется вода, он разглядывал в зеркале свое бледное, небритое лицо. Длинные черные волосы слегка засалились. Не мешало бы помыться... На полке над раковиной теснились многочисленные пузырьки и флаконы. На трубе под лампочкой сушились крошечные трусики и колготки. Кое-как умывшись, но так и не проснувшись до конца, он принялся одеваться.

Лучше всего уйти потихоньку, не будить ее. Потом, в обед или ближе к вечеру, он ей позвонит. Но сначала придется вернуться в комнату и поискать носки...

Он огляделся, затем присел на корточки, заглянул под кровать. Там их не оказалось. Он встал; захрустели суставы. Испуганно покосился на нее, но она как будто ничего не слышала. Спала себе, подтянув колени к груди. Белая кожа, полные губы. Короткая светлая челка падает на глаза.

Наконец-то! Скомканые носки обнаружались под книжным стеллажом.

Выпрямляясь, он ударился затылком о полку. Перед глазами брызнул сноп искр. Он схватился за голову и выругался себе под нос.

Послышался шорох. Она проснулась.

– Уже уходишь? – спросила она хриплым спросонок голосом и сладко потянулась.

– Не хотел тебя будить, ты так хорошо спала.

Он нагнулся, прильнул к ее чудесным полным, чувственным губам... и ноги под ним подкосились.

– А я надеялась, что мы проснемся вместе, – прошептала она.

Ткнувшись носом ей в щеку, он ласкал пальцами ее соски.

– Я тебе позвоню, – обещал он, нехотя отрываясь от нее. Сел на стул с точеными ножками и плетеным сиденьем, стоящий рядом с кроватью, у небольшого бюро. Пока он натягивал носки, она играла с его длинными волосами.

Неожиданно зазвонил стоявший на бюро телефон. Его резкий, пронзительный звонок казался властным и требовательным. Он вопросительно покосился на нее. Она как замороженная смотрела на аппарат.

Он нагнулся и поцеловал ее в живот. Она нехотя протянула руку к трубке. Телефон все звонил.

– Может, это тебя? – дрожащим голосом прошептала она.

– Меня? – Он едва различал ее лицо на фоне рассветного окна. – Никто не знает, что я здесь. – Почему-то он тоже ответил шепотом.

Ей явно не хотелось подходить.

– Выдерни шнур из розетки, если не хочешь ни с кем разговаривать, – посоветовал он.

Но она быстро схватила трубку.

– Да, Рейдун слушает! – решительно произнесла она. На том конце линии – молчание. – Алло! Рейдун слушает! – Она улыбнулась ему. Зажала трубку плечом и снова взъерошила ему волосы обеими руками. На том конце – по-прежнему ни звука.

По-прежнему улыбаясь, она собрала ему волосы в конский хвост, стянула резинкой.

– Вот так!

Почему бы и нет? Хвост так хвост. Он не против, если ей нравится. Он нагнулся и стал завязывать шнурки, а она в третий раз назвала свое имя звонившему. Ответа не последовало.

Часто дыша – ее высокая грудь ходила ходуном, – она пожала плечами и посмотрела на трубку. Тут оба услышали отчетливый щелчок.

Звонивший отключился.

Она медленно положила трубку на рычаг.

– И часто тебе вот так звонят?

Она отвернулась, посмотрела в окно.

– Нет, – не сразу ответила она. – Нечасто...

Атмосфера переменилась. Они больше не шептались.

– Тебе обязательно нужно сейчас уходить? – спросила она упавшим голосом.

– Мне скоро на работу. Надо заехать домой и переодеться. Пока! – заторопился он.

Она набросила ночную сорочку и проводила его до порога. На прощание он поцеловал ее в губы, и колени под ним снова подогнулись. Дождавшись, когда она запрет за ним дверь – щелкнул замок, он побежал вниз по лестнице. Дверь подъезда с шумом захлопнулась за ним. Он глубоко вздохнул.

На асфальтированном внутреннем дворе устроили стоянку для велосипедов. Ворота в темной арке, ведущей на улицу, оказались заперты. Их нельзя было открыть изнутри. Он в замешательстве зашагал назад, остановился посреди двора.

Он в ловушке! С обеих сторон возвышаются крылья многоквартирного дома. Дверь ее подъезда захлопнулась, ворота заперты... Зато справа он увидел не кирпичную стену, а деревянный забор. За ним, судя по всему, находилась

стройплощадка. А может быть, там сносили старый дом – какая разница? Забор был сплошным; он окинул его взглядом и решил: можно перелезть. Меньше трех метров. Если бы не колючая проволока наверху... Ржавые кольца угрожающе топырились во все стороны.

«Ничего, – думал он, подтаскивая к забору мусорный бак. – Справлюсь... Вот попал так попал!» Он взобрался на крышку. Бак под ним зашатался. «Не важно... Согни колени... подтянись! Вот так... Ч-черт!»

Он лежал на земле, глядя в голубое небо. Чуть дальше в розовой кирпичной стене белели оконные рамы. Над ним с громкими криками кружила чайка. Он ощупал голову. Пальцы кровоточили. Ну что ж, еще одна попытка... Главное – поставить бак прямо.

Ну вот! Забор под ним закрипел и зашатался. И все же выдержал. Он перекинул ногу на другую сторону и скорее услышал, чем почувствовал, как о колючую проволоку рвутся брюки.

Так и есть – за забором сносят здание. Он увидел кучки красных кирпичей, остатки фундамента, а между ними – серовато-бурые пучки травы. Чтобы попасть на улицу, придется перелезть через еще один деревянный забор, который, к счастью, заметно ниже первого... Он подбежал к забору, подтянулся. Колючая проволока зацепилась за куртку.

Наконец-то! На улице тихо. Отряхиваясь, он услышал рокот мотора. Рубашка выпросталась из брюк; крови оказалось больше, чем он думал вначале.

Рядом с ним затормозило такси, доставившее двух пассажиров. Те быстро прошагали к воротам и вошли. Таксист тут же уехал. Ну надо же, как не повезло! Подожди он еще несколько минут, спокойно вышел бы со двора на улицу.

Странное начало дня, подумал он, бредя к воротам, которые не заперли за собой пассажиры такси. Он распахнул створку во всю ширь – закрипели петли – и вернулся во двор. Только тогда он заметил кнопки на двери подъезда. Идиот! Стоило позвонить, и она спустилась бы с ключом и выпустила его. Рядом со звонком – карточка с ее именем. Чернила от синей шариковой ручки размазались. При виде карточки он вспомнил ее шелковистую кожу.

Можно снова к ней подняться. Лечь в постель и поспать до полудня... или даже до часа дня. И проснуться вместе с ней...

Он толкнул дверь. Открыто! Оставалось взбежать наверх.

Где-то вдали в переулке прогрохотал трамвай. Он вспомнил, как она ерошила ему волосы. Не зная, на что решиться, посмотрел на часы. Внизу мягко хлопнула дверца машины. Шаги... Кто-то зашел в ворота. Приближается. Идет сюда!

Он глубоко вздохнул. Ничего не поделаешь, надо на работу! Посторонился, пропуская вошедшего, и вежливо кивнул.

Глава 2

Добравшись до дому, он переоделся в чистый рабочий костюм. Время на его стороне. Прилег на кровать. «Подремлю совсем чуть-чуть, минут пятнадцать...» Но сразу же отключился. И проспал свою смену.

Он забыл завести будильник и проснулся только в два часа дня. Едва открыв глаза, начал думать о ней: вспоминал предыдущую ночь, ее жаркое тело. Как она извивалась под ним... И как они потом лежали рядом, как они разговаривали, как ласкали друг друга.

И вот он ушел от нее и прогулял работу, хотя и не собирался. Теперь у него вычтут шесть часов сверхурочных. Кроме того, толстопузый мастер наверняка будет злиться на него. Ведь он не позвонил, не предупредил, что не придет. Напросился на нагоняй. Сев в постели, он зевнул, нашел записку с ее телефоном, набрал номер. После нескольких гудков последовал сброс. Он нажал на рычаг, снова набрал ее номер и долго слушал длинные гудки. Потом соединение снова прервалось.

Телефон звонил не очень громко. Его было слышно, потому что квартира маленькая, а дверь в нее приоткрыта и хлопает. Если телефон перестает

звонить, ясно, что кто-то дома и взял трубку. Если телефон все звонит, значит, дома никого нет. А что делать, если, по всем приметам, в квартире кто-то есть, а телефон звонит не умолкая? Длинные гудки звучали тревожно, словно предупреждали: что-то случилось.

Когда моешь лестницу, некрасиво подслушивать, что происходит в соседских квартирах. Но трехлетнему ребенку еще неизвестно, что можно делать, а что нет. Трехлетний Юаким старательно полоскал тряпку в ведерке. Конечно, ведерко перевернулось на верхней ступеньке пролета между четвертым и третьим этажом.

– Мокро! – со смехом воскликнул Юаким. Он принялся растирать воду тряпкой. Работал старательно, вытирая досуха ступеньку за ступенькой. Потом крикнул: нужно еще воды. Выйдя на лестницу, его мать заметила, что дверь в квартиру Рейдун Росендаль приоткрыта. Дверь хлопала на сквозняке – на лестнице всегда сквозняк – и коробка замка ударялась о косяк. Самое странное, что изнутри не доносилось ни звука. В такой маленькой квартире, как у Рейдун, наверняка слышно хлопающую дверь! Миа Бьерке не была близко знакома с Рейдун; они просто по-соседски здоровались, встречаясь на лестнице.

Правда, когда она помыла половину пролета, в квартире зазвонил телефон. Он звонил долго, потом замолчал и после небольшого перерыва зазвонил снова.

– Мама, опять звонит! – крикнул малыш Юаким с нижней площадки.

Миа ответила: наверное, Рейдун, которая живет в той квартире, куда-то вышла.

Потом Миа спустилась на пол-пролета и открыла окно, чтобы проветрить. Юаким заявил, что Рейдун дома.

– Мама, ты говоришь неправду! – сказал он.

После того как Миа открыла окно, сквозняк усилился – возможно, из-за сильного порыва ветра. Во всяком случае, дверь в спальню Рейдун сильно хлопнула.

– Юаким, иди сюда! – позвала Миа.

Малыш послушался. Может, испугался внезапной резкости матери, а может быть, что-то почувствовал.

Заглянув в квартиру этажом ниже, Миа Бьерке заметила на полу голую ногу и поняла: пока они мыли лестницу, соседка была дома.

Глава 3

Женщина, открывшая дверь инспектору Гунарстранне, не застала его врасплох. Его не смутил взгляд, каким она смерила его с головы до ног, а потом покосилась на его служебное удостоверение. За долгие годы он успел привыкнуть к тому, что на него смотрят во всех отношениях свысока. Его тщедушная фигура всегда вызывала недоумение. Рост – метр шестьдесят, и то в туфлях. Возраст – пятьдесят семь, и он не выглядел ни на день моложе. Лицо изборождено морщинами, волос почти не осталось. Только на макушке жидкая прядь, которую он каждое утро тщательно зачесывал, пытаясь прикрыть лысину.

Гунарстранна прекрасно осознавал, как несолидно он выглядит. Подозрительные взгляды свидетелей давно перестали его волновать. Женщина осматривала его с таким видом, будто заметила под своим дверным ковриком какое-то жалкое насекомое.

Чтобы разрядить обстановку, он с самым невинным видом улыбнулся. Она удивилась, как почти все, кто видел белоснежные, ровные зубы у такого коротышки в потертом плаще, с пальцами, пожелтевшими от никотина, и порыжелыми пятнами от утюга на рубашке. В свое время зубной техник постарался на славу. Роскошные фарфоровые зубы появились у него благодаря Эдель. Она заплатила за них после того, как выиграла в лотерею. «Наконец-то мы поправим твои ужасные зубы!» – воскликнула она после того, как, надев очки, сверилась с таблицей. Должно быть, ей неприятно было всю жизнь смотреть на его рот, напоминавший пустыню с кактусами. Гунарстранна, конечно, ни о чем не догадывался. Если ей и было неприятно смотреть на его рот, она так и не призналась. А он предпочитал не задавать ей лишних вопросов. Эдель всегда поступала по-своему, что бы ни случилось. А сейчас спрашивать уже поздно. Он опоздал на четыре года.

Как всегда, его улыбка растопила лед. Исчез невзрачный неряха. Увидев его улыбку, собеседники обычно робели. Очень хорошая уловка!

Открывшая дверь женщина дружелюбно улыбнулась в ответ и заморгала, словно приходя в себя. Она впустила его в дом, провела в гостиную, попросила располагаться, а сама пошла на кухню – посмотреть, как там сынишка.

Гунарстранна не спеша озирался по сторонам. Он очутился в просторной, светлой комнате. Сразу заметно, что хозяева недавно сделали ремонт. На стенах белые джутовые обои. Паркет покрыт лаком – на нем ни трещинки, ни единого пятнышка. Занавески в светлых пастельных тонах покачиваются на больших окнах. Мебель простая с виду, но дорогая, кожаные диваны, стулья с холщовой обивкой. На полу валяются детские игрушки. Он покачал головой, заметив стеклянную столешницу кофейного столика и застекленную горку. При такой мебели ребенок должен быть очень послушным и дисциплинированным.

На стене инспектор увидел три картины маслом – оригиналы работ некоего художника-модерниста. Фамилию его Гунарстранна, конечно, не знал, но своим наметанным глазом различил признаки настоящего мастерства. Судя по всему, хозяева квартиры, хотя и сравнительно молоды, живут в достатке.

Поразительно!

Разумеется, в самой по себе хорошо обставленной квартире в Грюнерлёкке нет ничего удивительного. Его поразила редкая для квартала элегантность. Картины маслом, стильная, красивая хозяйка – она заранее нравилась ему. Ей хотелось верить, хотя, судя по манере говорить, она родилась не в Грюнерлёкке, а в центре Осло.

– Если не возражаете, подождите меня, пожалуйста, в гостиной, – вот как выразилась она.

«В гостиной!» Сначала он поразился ее речи, потом обратил внимание на ее внешний вид. Ожерелье на шее. И как она мило упомянула о ребенке в кухне... Когда она выходила, Гунарстранна тайком любовался ее плавной походкой. Она покачивала бедрами совершенно естественно. Гибкая, хорошо сложенная тридцатилетняя женщина... Скорее всего, получила высшее образование. Судя

по всему, склад ума у нее рациональный: на первом месте работа, на втором – дети.

Он стоял у окна и смотрел на улицу. Вспоминал, как мальчишкой катался на коньках в родном квартале Делененга. Тогда по улицам сновали конные повозки, которые возили тележки пивоваров. Даже в лютый мороз приходилось бегать по нужде в деревянные будки во дворе, а по ночам писать в кухонную раковину...

Квартал довольно давно вошел в моду. Его новые обитатели стелют на старые доски настоящий паркет. И современные дамы ходят по дому в тапочках, чтобы не поцарапать пол. Здесь, в бывшей развалюхе!

Несколько лет назад снобы еще позволяли себе жить в районе Грюнерлэッカ, Марквей и Торвальд-Мейерс-гате. Однако постепенно они отсюда переезжали. Переселялись в места пошкарнее. И все же верхняя часть Грюнерлэкки еще держалась, что удивительно. Потому что женщина, которая только что ушла на кухню в домашних тапочках, была совсем из другого мира, чем, например, ее сосед-пакистанец, усатый толстяк, который расхаживал по дому в одежде двадцатилетней давности. Его квартира была обставлена шаткой, хлипкой мебелью из магазина Армии спасения. С ним пакистанец держался очень вежливо, однако жену, заглянувшую в комнату, тут же выгнал на кухню. Он был похож на заводную куклу. Руки заложил за спину, на лице застыла неподвижная улыбка. Естественно, он ничего не видел и ничего не слышал. Он вообще не знает, что происходит в доме; в прошедшие выходные он совершенно ничего не видел и не слышал... Толстяк пакистанец в таком доме выглядел на своем месте, как и парочка хиппи этажом выше. Оба высокие, костлявые, в просторных одеждах; они выращивали у себя на подоконнике марихуану. Муж, давно отпраздновавший сорокалетие, – безработный. Жена ходит босиком; ее длинные юбки расшиты вручную цветами. Два живых ископаемых из шестидесятых годов бродили среди газет и полупустых винных бутылок. Оба сразу объявили, что им почти ничего не известно об окружающем мире, тем более о том, что могло происходить утром в воскресенье, когда они возвращались с вечеринки.

В квартире Мии Бьерке атмосфера была иной. Гунарстранна задумался. Что в голове у этой богачки?

Ее соседку с нижнего этажа убили. Может, Миа Бьерке считает, что преступление каким-то боком заденет ее семью? Возможно, они даже захотят

переехать отсюда. Но куда? Кроме того, сразу видно: они вложили в свою квартиру много денег. Им безусловно хватит средств на то, чтобы сделать решительный шаг – переехать в тихий пригород, Берум или Нуштранн. Они даже могут пропустить промежуточный этап и не переселяться на Вальдерсгата в нескольких сотнях метров отсюда. Там дома новее и до сих пор любят селиться журналисты или профсоюзные деятели. Жильцам «из простых» там неуютно.

Гунарстранна прислонился лбом к оконной раме и посмотрел вниз, на улицу. Он терпеливо ждал, когда хозяйка утихомирит ребенка и вернется из кухни.

– С квартирой вам повезло, – не оборачиваясь, заметил он, когда она вошла. – И как вы замечательно ее отремонтировали! Представьте, в дни моего детства туалетов не было даже в коридорах. В те времена зимой в доме было так же холодно, как и на улице.

Инспектор повернулся и показал на большое окно, через которое гостиную заливал солнечный свет:

– У вас солнечная сторона. Немногие обитатели Грюнерлэкки могут похвастать светлыми квартирами!

Хозяйка кивнула – вежливо и немного настороженно.

– Знаете, я ведь здесь родился и вырос, – продолжал Гунарстранна, показывая в окно. – Мы жили на Селдуксгата, недалеко от Делененги. Не удивлюсь, если окажется, что я когда-то бывал и в вашем доме. – Его последние слова сопровождалась широкой улыбкой.

Он сел на диван, обитый розовой кожей.

К материнским ногам льнул маленький мальчик; он огромными глазами смотрел на незваного гостя. Заметив испуганные глаза хозяйки и деланную улыбку, Гунарстранна понял: не стоит слишком уж предаваться воспоминаниям о добрых старых временах. Он прищурился и в упор взглянул на нее, не обращая внимания на ребенка. Общаться с детьми он не очень умел.

– Ты полицейский? – осведомился малыш.

– Мой отец работал на шоколадной фабрике «Фрея», – задумчиво продолжал Гунарстранна. – И получил неплохую пенсию. Директор компании, Троне-Холст, славился тем, что назначал своим рабочим пенсии еще до того, как такая мысль пришла в голову другим. Полагаю, вы слышали о Троне-Холсте?

Миа Бьерке осторожно покачала головой.

Инспектор с доверительным видом нагнулся вперед:

– Прошу меня извинить за то, что сую нос не в свои дела, но... как человек, выросший в этих краях, должен сказать, что вы проделали колоссальную работу в своей квартире. Наверное, ремонт обошелся в целое состояние?

Услышав комплимент, Миа улыбнулась уже искренне. Гунарстранна решил, что она сыграла активную роль в процессе ремонта. Но вскоре улыбка исчезла, женщина снова посерьезнела.

– В том-то и проблема, – сказала она. – Ведь нашу соседку снизу убили. Мы с Юакимом очень боимся, что теперь цена упадет и мы потеряем кучу денег.

– Значит, вы уже собираетесь отсюда съезжать? – Гунарстранна едва заметно улыбнулся мальчику. – Может быть, вы уже обратились к агенту по недвижимости?

Она улыбнулась:

– Юаким – мой муж. А это Юаким-младший. – Она потрепала сынишку по волосам.

Юаким-младший, повторил про себя Гунарстранна. Глубоко вздохнул и посмотрел хозяйке в глаза:

– Вы были хорошо знакомы с... убитой?

Перед ответом Миа ненадолго замялась.

– Зависит от того, что можно назвать «хорошо». – Она еще помолчала. – Конечно, мы с ней всегда здоровались, если встречались на лестнице. Она производила впечатление... как сказать... довольно милой особы. Мне она казалась человеком беззаботным, с легким характером... и Юакиму тоже... – Она снова помолчала. – Вряд ли он знал ее лучше, чем я. Таково мое мнение, и я его придерживаюсь. – Она рассмеялась с легким вызовом.

Гунарстранна не стал напрасно тратить время.

– Что вы имеете в виду?

Миа опустила голову и снова натянуто улыбнулась:

– Я пошутила. Как вам известно, она была очень привлекательной девушкой.

Судя по выражению ее лица, она принадлежала к числу жен, которые держат мужей на коротком поводке.

– Значит, ваш супруг время от времени общался с покойницей? – От Гунарстранны не укрылось, что его собеседница несколько раздосадована.

– Как-никак, мы были соседями... и да и нет! – Она всплеснула руками.

– Значит, у вас с ней было мало точек соприкосновения? У вас не было общих знакомых?

– Нет.

– Известно ли вам, в каком обществе она вращалась? Часто ли у нее бывали гости?

– К сожалению, здесь я ничем не могу вам помочь, – решительно ответила Миа Бьерке и, видя, что инспектор молчит, продолжала: – Да, она жила в квартире этажом ниже, прямо под нами, но, когда мы встречались на лестнице, она чаще всего бывала одна. Да, иногда с ней я видела каких-то людей, как мужчин, так и женщин... Она была самой обычной девушкой, которая жила одна, а мы... собственно говоря, мы живем здесь меньше полугода.

- Вы целыми днями дома?

- Половину времени - да.

Мальчику надоело слушать; он дернул мать за руку, и она отвлеклась.

- Сможете опознать кого-то из тех людей по фотографии?

- Каких людей? Юаким, прекрати! - Чтобы успокоить сынишку, мать крепко взяла его за руку.

Гунарстранна терпеливо ждал.

- Тех, в чьем обществе вы видели вашу соседку.

- Извините... - Миа нагнулась к сынишке и, глядя ему в глаза, тихо заговорила: - Маме нужно поговорить с дядей. Пожалуйста, найди себе занятие. Поиграй в кубики.

- Нет!

Юаким-младший раскапризничался, топнул ногой, гневно посмотрел на инспектора. Тот невозмутимо достал кисет и начал скручивать самокрутки. Малыш как замороженный смотрел на стопку фильтров на стеклянной столешнице.

Его мать успела одуматься.

- Откровенно говоря, я не обращала особого внимания на тех, с кем общалась моя соседка... нет, думаю, я их не узнаю.

Инспектор не поднял головы.

- Но вы ведь живете здесь уже полгода! А по вашей лестнице не перемещаются стада жильцов.

Миа Бьерке не ответила.

– А ваша соседка снизу была такой привлекательной, – продолжал Гунарстранна. – Многие мужчины наверняка провожали ее одобрительными взглядами... и ваш муж тоже!

Она пришла в замешательство. Гунарстранна позволил себе едва заметно улыбнуться. Он понял, что она решила истолковать его вопрос в лучшем смысле.

– Честно говоря, не думаю, что узнаю кого-то на снимке после краткой встречи на лестнице... Да, не думаю.

Гунарстранна убрал самокрутки и встал. В замке повернулся ключ, и Юаким-младший бросился к двери. Миа вышла за ним в прихожую. Пока хозяйка встречала мужа, Гунарстранна решил покурить. Он приоткрыл окно и, выпуская туда дым, слушал, как перешептываются хозяева и радостно кричит мальчик. Судя по всему, мать взяла его на руки.

Вскоре хозяева вернулись в гостиную.

– Курите, курите. – Миа махнула рукой. – Сейчас найду вам пепельницу. Это тот самый господин из полиции, – обратилась она к мужу.

Хозяин дома протянул руку Гунарстранне. На вид инспектор дал бы ему лет тридцать пять, не больше. Рука у него оказалась влажной – может быть, оттого, что он только что снял перчатки. Он официально поклонился, и густая, жесткая челка упала ему на лоб. Гунарстранна заметил, что на затылке волосы у Юакима-старшего выстрижены скобкой. Судя по оживленному взгляду, он был человеком неумной энергии.

– Мы расследуем убийство молодой женщины, жившей этажом ниже, – мягко объяснил Гунарстранна.

– И давно пора!

Стряхнув пепел в пепельницу, поданную хозяйкой дома, Гунарстранна поднял взгляд на Юакима Бьерке. Тот скривил толстые, чувственные губы в подобии

гримасы. Инспектор решил испробовать прямой подход.

- Вы когда-нибудь бывали в ее квартире?

Хозяин ответил не сразу, но Гунарстранне этого хватило. Его собеседника нельзя было назвать дураком: он прикидывал все за и против.

- Да.

Миа Бьерке пристально смотрела на мужа.

- Сколько раз?

На сей раз молчание затянулось.

- Я ей помогал, верно, Миа? Помнишь, зимой у нее сел аккумулятор, и она ко мне обратилась... И потом... в конце концов, она ведь была нашей соседкой! - Он развел руками, словно умоляя о снисхождении.

Гунарстранна задумчиво кивнул.

- Ее квартира гораздо меньше вашей. Если вы не против, я у вас немного осмотрюсь.

- Вообще-то я против! - Юаким Бьерке снова скривился.

Гунарстранна затянулся и изобразил недоумение.

- Вы ведь хотите, чтобы убийство вашей соседки раскрыли?

Тот не отвел взгляда.

- Сначала вчера... - буркнул он. - Все утро ваши люди хлопали дверьми, топали туда-сюда. Потом мы весь вечер ждали, что к нам кто-то придет. Я отменил две важные встречи. С такими темпами вы раскроете убийство где-нибудь в следующем веке!

- Кем вы работаете? – поинтересовался Гунарстранна.

- Я финансовый консультант и аудитор.

- Частный? – уточнил Гунарстранна.

- Да.

- Есть у вас визитная карточка?

Хозяин безропотно достал бумажник и протянул ему карточку с логотипом компании и цветной фотографией. Гунарстранна повертел карточку между пальцами.

- Итак, господин Бьерке, – он по-прежнему смотрел своему собеседнику прямо в глаза, – раз план вашей квартиры – военная тайна, будьте добры, скажите, какие комнаты находятся непосредственно над квартирой Рейдун Росендаль?

- Спальня, – ответила за мужа Миа, по-прежнему державшая на руках ребенка, и неуверенно покосилась на мужа. – Наша спальня почти прямо над ее квартирой, – продолжала она с вымученной улыбкой. – Как вы понимаете, дом у нас старый, и перегородки очень тонкие.

Гунарстранна повернулся к ней:

- Значит, в субботу вы что-то слышали?

- Нет, мы рано легли спать. Мы всегда ложимся рано, потому что Юаким-младший просыпается ни свет ни заря, а по воскресеньям мы обычно ходим на прогулки, и...

- Как вы, возможно, заметили, когда заглянули к соседке, в ее квартире все было перевернуто вверх дном, – перебил ее Гунарстранна. – Мы не исключаем того, что к ней залез грабитель. Воры-домушники обычно стараются не шуметь... С другой стороны, если хозяйка оказала ему сопротивление, то вряд ли под вами было тихо...

– Никто не вламывается в дом рано утром в воскресенье, когда все спят! – досадливо выпалил Юаким Бьерке.

Гунарстранна повернулся к нему и ледяным тоном ответил:

– Я сталкивался с подобными случаями много раз. Иногда по утрам в квартиры одиноких женщин вламываются насильники! – Он мог бы еще много сказать, но вовремя прикусил язык и обратился к хозяйке дома: – А слышали вы, как она возвращалась домой накануне, в субботу?

– Нет... все было так же, как всегда. – Она развела руками.

– А в воскресенье утром?

– Я встала в восемь, – нехотя ответила она. – Юаким уже принимал душ... он тогда как раз вернулся с пробежки. – Она улыбнулась мужу. – Мы позавтракали, делали все как обычно – занимались всякими домашними делами, вы ведь понимаете... Потом мы погуляли у реки, правда, совсем недолго.

– По вашим словам, входная дверь в квартире вашей соседки была приоткрыта и хлопала; вы обратили внимание на дверь еще до того, как нашли тело. Вы заметили, что дверь хлопает, когда шли на прогулку?

Юаким покачал головой. Миа задумалась.

– Сама не знаю, – сказала она наконец. – Зато точно помню, что обратила внимание на дверь, когда потом мыла лестницу. Наверное, хлопанье двери врезалось мне в память потому, что там стоял малыш.

– А вы, господин Бьерке? – нарочито сухо обратился Гунарстранна к ее мужу. – Вы вернулись с пробежки до восьми?

Тот кивнул с угрюмым видом.

– И долго вы бегали?

Бьерке пожал плечами.

- Обычно я бегаю до завтрака, сразу после того, как проснусь. Бег трусцой полезен для здоровья... - Он покосился на пепельницу, стоящую перед Гунарстранной. - В отличие от некоторых вредных привычек.

Инспектор сделал вид, что не слышал ядовитого замечания.

- Вы кого-нибудь видели?

- Если и видел, то не помню.

- Когда вы утром вышли, дверь подъезда была заперта?

- Нет.

- Вы уверены?

- Да, совершенно уверен.

- И часто у вас так бывает?

Бьерке снова пожал плечами:

- Иногда дверь заперта, иногда нет. Все зависит от того, кто последним входит в дом или выходит...

- А ворота в арке были заперты?

- Нет.

- И часто они открыты?

- По-всякому бывает.

Гунарстранна подпер подбородок руками и молча посмотрел на своего собеседника. Тот не отвел взгляда. Инспектор повернулся к Мии:

- Вы не слышали, как ваш муж выходил из дома и потом вернулся?

Она нерешительно перевела взгляд с инспектора на мужа и обратно. Вопрос явно был ей неприятен.

Гунарстранна снова обратился к мужу:

- Вы кого-нибудь заметили у дома или неподалеку, когда вышли на улицу?

- Нет.

- А когда вернулись?

- Кажется, на улице стояло такси, а может, проезжал трамвай... кто знает? Ничего особенного я не заметил. Я ведь бегал.

- Значит, дверь в квартире вашей соседки снизу была открыта и хлопала?

- Я уже ответил на ваш вопрос.

- Но вы целых три раза проходили мимо нее по лестнице!

- Да, верно.

- Вы заходили к соседке утром в воскресенье?

- Нет, конечно, не заходил!

- Кто-нибудь из вас слышал шум из ее квартиры в субботу вечером или в воскресенье утром? - Гунарстранна пристально посмотрел на супругов Бьерке.

- Нет. - Миа покачала головой.

- Вы когда-нибудь бывали в ее квартире? - обратился он к ней напрямую.

– Нет, – ответил за жену Юаким.

Гунарстранна покосился на него. Уж слишком быстро он ответил! Откуда-то изнутри поднималась злость.

– Ваша жена совершеннолетняя и в юридическом смысле дееспособна. Либо она будет отвечать на мои вопросы самостоятельно, без вашей помощи, в собственном доме, либо мне придется перенести беседу в другое место и вызвать вашу жену ко мне в кабинет, где вы не будете ее перебивать!

Юаким-старший промолчал. Гунарстранна снова повернулся к Мии. Глубоко вздохнул и наградил ее ослепительной улыбкой.

– Вы когда-нибудь бывали в ее квартире?

Миа быстро покачала головой – несколько раз.

Инспектор поднялся и взял со стола записную книжку.

– На сегодня все, – сказал он. – Следственные действия, предпринимаемые нами, характерны для всех дел такого рода. На начальном этапе мы стремимся собрать как можно больше важной информации, необходимой для построения версий. Поэтому наши сотрудники еще придут к вам и запишут ваши показания. Мы рассчитываем на то, что свидетели будут охотно сотрудничать с нами. Добрая воля свидетелей – залог нашего успеха.

Гунарстранна понял, что далее говорить бессмысленно. Хозяева отнеслись к его словам совершенно равнодушно.

Он направился к выходу. Никто не встал, чтобы проводить его.

Глава 4

Выйдя на улицу, Гунарстранна прождал ровно четыре минуты. Потом на служебной машине подъехал Франк Фрёлик. Автомобиль притормозил и остановился рядом с ним.

Гунарстранна сел, но не пристегнулся.

– Что ты выяснил? – тяжело дыша, спросил он и принялся расправлять плащ.

– Я заезжал на ее работу. – Фрёлик изогнулся и взял с заднего сиденья потертый темно-коричневый кожаный кейс, извлек оттуда стопку бумаг. – Она числилась в так называемом отделе обслуживания клиентов, иными словами, была агентом по продажам. Пришла по объявлению; проработала в компании полгода. – Он снова наклонился вперед. – Я побеседовал по телефону с сотрудницей по имени Соня Хагер. У меня сложилось впечатление, что компания маленькая. По словам Сони Хагер, круг полномочий работников довольно широк. Судя по всему, помимо продаж, Рейдун выполняла и другие обязанности.

Когда за рулем сидел Фрёлик, в машине сразу становилось тесно. Его колени задевали рулевое колесо, хотя он отодвинул свое сиденье как можно дальше. Когда он принялся листать бумаги, Гунарстранне пришлось вжаться в стекло, чтобы его напарнику осталось место для манипуляций.

– Школу она окончила в родном городке, где-то на северо-западе, в фюльке Мёре-у-Румсдал. – Фрёлик почесал бороду – черную, с отдельными седыми прядями. Такими же были и волосы. И шевелюра, и борода воинственно топорщились. Из-за этого Гунарстранна немного завидовал Фрёлику. Немного утешала только ранняя седина, хотя напарнику еще не исполнилось тридцати. – Потом она переехала в Осло. – Фрёлик читал с листа, немного гнусавя. – Сменила две временные работы, которые получила, обратившись в агентства по найму. В общей сложности продержалась там несколько месяцев... В остальном сведений маловато, но мне удалось выяснить, что в течение года после переезда в столицу она работала на почте. Уволилась полтора года назад, потому что хотела учиться. Тринадцатого января прошлого года записалась в Университет Осло, но не сдала первую сессию. Четвертого мая зарегистрировалась на бирже труда. В начале октября прошлого года приступила к работе в акционерной компании «ПО партнерс». ПО – это программное обеспечение, – пояснил Фрёлик. – Время от времени подрабатывала кассиршей в кооперативном магазине.

Гунарстранна кивнул, глядя, как его молодой напарник листает лежащие на коленях бумаги. По словам Фрëлика, жертва снимала квартиру у знакомого учителя – тот нанялся на работу в Финнмарк по контракту, чтобы выплатить кредит, полученный на учебу. В Финнмарке он живет уже два года.

– Этот учитель уже два раза нам звонил и просил найти ему нового жильца. – Не переставая листать записи, Франк Фрëлик тяжело вздохнул. – Просто сухарь какой-то!

– Продолжай. – Гунарстранна по-прежнему смотрел на улицу. Из арки вышли два хиппи. Тощие, в просторных одеждах, похожие на двух ворон, они побрели в сторону Саннергата. Фрëлик тем временем сообщил, что отец жертвы умер, а мать жива. У нее есть сестра, на два года старше; зять трудится на буровой платформе в море. Сестра с мужем живут в Флеккефьорде. Жертва регулярно навещала и мать, и сестру. Мать спрашивает, когда родственникам выдадут тело для похорон.

– Как у нее обстояли дела с деньгами?

– Пока неясно, – признался Фрëлик.

– И в почтовом ящике у нее тоже пусто, – добавил Гунарстранна, немного помолчав.

– Ни сестра, ни мать никаких ее знакомых вспомнить не могут, кроме как по компании «ПО партнерс», где она работала, – продолжал Фрëлик, шурша бумагами. – Обе не видели ее уже довольно давно, но письма получали регулярно. В последних письмах не было ничего необычного или странного. Убийство стало для них громом среди ясного неба.

– Сколько у нее на счете в банке?

– Ноль. Повторяю, пока еще все неясно, но мы нашли счет, на который ей перечисляли зарплату. Там ничего нет.

– Хорошо, – негромко пробурчал Гунарстранна. Фрëлику удалось много всего нарыть. Постепенно образ покойницы приобретал объем, очертания. Она уже не

была просто трупом. Но картинка получалась размытая, в ней не доставало важных подробностей. – Никто из соседей ничего не видел и не слышал, – продолжал он. – Ни грохота от падающих предметов, ни шума борьбы. – Он закурил. Фрёлик медленно опустил стекло. – Вон та парочка в воскресенье утром возвращалась домой после бурной вечеринки. – Гунарстранна кивнул в сторону двух хиппи на улице. – Они утверждают, что видели незнакомого типа с окровавленным лицом и волосами, стянутыми в конский хвост. Когда они входили, он слонялся у ворот, однако с уверенностью сказать, заперли они за собой ворота или нет, не могут.

– Надо свозить их к нам – пусть составят фоторобот, – предложил Фрёлик.

– Напрасная трата времени, – высказался Гунарстранна. – Они явились такие обдолбанные, что только через четверть часа вспомнили: у того типа волосы были стянуты в конский хвост. Нет, от них толку не жди. – Какое-то время он молча курил. Сигарета тлела неровно. Гунарстранна подул на нее. Бумага занялась и с другой стороны.

– На теле жертвы множественные колото-резаные раны, – продолжал он. – Похоже, убийца действовал в приступе ярости... Кроме того, в квартире полный кавардак, что тоже наводит на определенные мысли. Выдвижные ящики перевернуты, все их содержимое на полу. Возможно, преступник искал ценные вещи.

– Но из квартиры ничего не пропало, – без выражения возразил Фрёлик и принялся зачитывать по бумажке: «Музыкальный центр на месте, телевизор и деньги не тронуты».

– Возможно, она и подралась с преступником, – буркнул Гунарстранна. – Но мне не нравится, что дверь не повреждена. С другой стороны, когда Миа Бьерке нашла труп, дверь была не заперта.

– Там ригельный замок, – снова прочел Фрёлик. – Открыть его не составляет труда. – Он погладил бороду и откинулся на спинку кресла. – Возможно, хозяйка забыла запереться на ночь, а может, сама открыла убийце ипустила его.

Гунарстранна посмотрел на улицу.

– В окно никто не влезал, – объявил он и посмотрел на своего напарника в упор. – Как по-твоему, ее изнасиловали? Ведь на жертве не было ничего, кроме ночной рубашки.

Черные глаза Фрёлика смотрели куда-то внутрь.

– Конечно, неизвестно, когда именно к ней вломился преступник, – проворчал он. – Но если она спала, а тот тип позвонил в дверь... – Он задумался, подбирая нужное слово.

Гунарстранна подался вперед и смял окуроч в пепельнице, но выбрасывать не стал.

– Если она вскочила в ночной рубашке и открыла дверь, – продолжал Фрёлик, – а потом тот тип ее изнасиловал, кто-то непременно должен был что-то слышать.

Гунарстранна снова вспомнил о семействе Бьерке. Их спальня над самой квартирой убитой.

– Никто ничего не слышал, – мрачно повторил он. – Более того, никто из соседей ничего не может сообщить о ней, кроме того, что она была симпатичной девушкой. Но это мы знали и так. Никто ее как следует не знал, и, похоже, эти люди почти не общались.

Фрёлик кивнул:

– Да, так часто бывает. Я живу в своей квартире четыре года, но понятия не имею, кто мои соседи по лестничной клетке.

– Не все такие придурки, как ты!

– Суть в том, что люди не знают друг друга, хотя живут бок о бок.

– Можно не знать всю подноготную, но ведь не слепые же они! Человеческим особям свойственно любопытство!

Оба помолчали.

– А если у нее был приятель? – спросил Фрёлик.

Гунарстранна медленно опустил стекло и выкинул окурок на дорогу.

– Хочешь сказать, он ее приревновал, и они поссорились? – Он склонил голову набок. – Возможно... Тогда ночнушка подходит. И все же мне не нравится, что дверь была открыта. Приятель запер бы ее за собой.

– Может, он испугался и убежал? – предположил Фрёлик. – Или у него не было ключа от ее квартиры...

– Угу... – Гунарстранна вспомнил, как выглядела грудь покойницы. – Ты ведь ее видел, да?

– Да.

– Приятель на такое способен? – Не дожидаясь ответа, Гунарстранна распахнул дверцу. – Пошли, Франки! За работу!

Глава 5

Франк Фрёлик сидел, скривив губы в язвительной улыбке. Странно слышать, как босс обращается к нему «Франки». Хотя именно так его называют почти все. В детстве соседские мальчишки сразу сообразили, что «Франки» звучит круче, чем «Франк», и подлизывались к нему на футбольных тренировках или если клянчили яблоко. С детства такое обращение закрепилось. Но Гунарстранна не спешил последовать общему примеру. Обычно он обращался к нему по фамилии: «Верно, Фрёлик? Как ты думаешь, Фрёлик?» И при этом, как всегда, боролся с приступами мучительного кашля и щелкал пальцами. Комичное зрелище! Тем более странно слышать, как старый брюзга с пронзительным взглядом называет его Франки.

Он убрал бумаги и последовал за Гунарстранной. Инспектор широким шагом перешел на ту сторону, у дома жертвы остановился, задрал голову и стал

смотреть куда-то вверх. Потом развернулся, перешел обратно и снова принялся разглядывать фасад здания.

Франк тоже задрал голову и прищурился. Как всегда, его поразила неожиданная красота лепных карнизов. Умели же раньше строить! И скульптуры... Одна показалась ему новее остальных. Квадратные оконные проемы без каких-либо украшений были вписаны в фасад органично и не портили вид.

– Вон там, – показал Гунарстранна. – Оттуда ее квартира видна как на ладони! Пошли на верхний этаж.

Оба запыхались, пока поднялись на самый верх. В подъезде свет не горел, поэтому невозможно было прочесть фамилии жильцов на табличках. Судя по всему, наверху было две квартиры, хотя жили только в одной. Вторая дверь была до половины завалена картонными коробками и мешками с мусором. Франк нагнулся и прочел имя, выбитое на почерневшей пластинке:

– «Арвид Юхансен».

– Фараоны? – буркнул открывший им старик. – Так и думал, что скоро вы явитесь по мою душу!

Они вошли в тесную и душную квартиру. Здесь тяжело пахло табаком, пылью и чем-то вроде дохлой рыбы. Видимо, хозяин не утруждал себя уборкой. Линолеум на полу был покрыт разнообразными пятнами; давно не мытый пол стал липким. Старый ворчун оказался крепкого сложения; наверное, в молодости был настоящим здоровяком. Он сохранил прямую осанку, но ноги у него не гнулись, а дышал он с присвистом. Астматик? Серые короткие волосы не поредели. Под глазами и подбородком болтались большие морщинистые мешки. Глаза у старика были красными – наверное, лопнул сосуд. Он проковылял в маленькую гостиную и сел в вытертое серое кресло у окна. На другом конце комнаты стоял маленький телевизор с видеомagnитофоном. На экране порноактриса, постанывая, брала в рот огромный член. Франк не сразу сообразил, на что он смотрит. Вскоре Юхансен щелкнул кнопкой на пульте и остановил воспроизведение; затем он взял самокрутку из пепельницы на столе. Сигарета еще не потухла, он снова раскурил ее и затянулся, после чего с хрипом закашлялся. После того как приступ прошел, он сплюнул в платок и выжидательно посмотрел на Гунарстранну. Инспектор с безмятежным видом

стоял у окна.

Франк осмотрел комнату. Голые стены. Пол завален порножурналами. Обнаженные женщины в разных позах высовывали языки. На столе раскрытый журнал; на развороте – огромное изображение голой девушки в красном рождественском колпаке и с бананом в паху. Ноги ей разводили в стороны мускулистые мужские руки.

– Есть чем согреться в зимние холода! – заметил Юхансен, проследив за взглядом Франка, и хихикнул, прикрыв рот кулаком. Впрочем, хихиканье скоро сменилось кашлем.

Гунарстранна смотрел в окно до тех пор, пока старик не отдышался.

– Подойдите сюда, Юхансен, – не оборачиваясь, приказал он. Хозяин квартиры повиновался, хотя Гунарстранна не доставал ему и до середины груди. – Вон та квартира, с занавесками на окнах, под углом к вашей...

– Да, она там жила. – Юхансен снова сел. – Наша кобылка. – Он подмигнул Франку. – Любила потрясти сиськами, а они у нее были грушевидные, такие задорные! И задница какая надо – полная, круглая... А там, внизу, – рыжие волосы!

Рука, держащая самокрутку, задрожала. Юхансен подошел к Гунарстранне и ткнул пальцем в нужное окно.

– Ну да, она там жила...

Старик принялся расхаживать туда-сюда на негнущихся ногах. Франк старался не смотреть в его налитые кровью глаза. Всякий раз, как Юхансен поворачивался к нему, глаза у него сверкали, как стоп-сигналы.

– Вам надо найти молодого парня, – просипел старик. – Ему лет двадцать пять – двадцать восемь, особых примет нет, волосы длинные, черные, он их стягивает в конский хвост. Девушки таких любят. – Перед тем как сесть, он уставился в потолок. Самокрутка успела потухнуть, и он долго и безуспешно чиркал старой облупившейся зажигалкой. Пламя удалось зажечь не сразу. Гунарстранна и

Фрёлик следили, как старик сцепил пальцы, чтобы не дрожали. Наконец получилось. Юхансен затянулся, выпустил дым и продолжал: – Я всю ночь наблюдал за ними... Видел, чем они занимались.

Фрёлик и Гунарстранна переглянулись.

– Она была настоящая розочка... знала, что по вкусу нам, старичкам. – Он улыбнулся влажными губами и подмигнул Гунарстранне.

– Что именно вы видели? – спросил Гунарстранна.

– Что именно? – Старик снова засипел. – А как по-вашему? – Он поднял правую руку, соединил большой и указательный пальцы и потыкал в получившееся кольцо пальцем левой руки. Рассмеялся, но тут же прикрыл рот кулаком – его снова одолел кашель.

Франк тоже подошел к окну и приоткрыл его. Вдохнул свежий воздух. Какое-то время Юхансен только сипел, пытаясь справиться с очередным приступом. Потом хрипло продолжал:

– Они не выключили свет... И занавески не задернули, так что я сидел и любовался, как она лежит на спине и играет со своими сиськами! – Он затих, наклонился вперед, смял окурок. – Бесплатно... и все зря. – Он нахмурился, по его лицу пробежала тень. – Провалиться мне, если я понимаю, почему он... – заговорил он с другой интонацией. Запах дохлой рыбы немного ослаб; на измученном лице старика проступило болезненное выражение. Он мучительно подыскивал слова. Закрыв лицо руками. – Никак не могу взять в толк, зачем он потом ее прикончил! – Кожа у него на руках была грубой, морщинистой.

– Как он ее убил? – нарушил тишину голос Гунарстранны. Хотя он спрашивал вполне дружелюбно, с умеренным любопытством, Юхансен дернулся.

– Да какая разница? Поймите его поскорее! – Если раньше в голосе старика слышалась боль, то теперь все прошло. Глаза у него сделались такими же холодными, как вначале, когда он встретил их на пороге.

– Вы не ответили на мой вопрос! Как он ее убил?

– Зарезал, конечно! – Молчание в комнате стало осязаемым. – Да чего вы спрашиваете? Разве сами не видели?

Гунарстранна подошел к старику вплотную.

– Как? – тихо спросил он.

Юхансен не ответил, вроде бы чуть сгорбился под пронзительным взглядом лысеющего коротышки.

Франк не сводил взгляда с Юхансена. Боится он или просто держится вызывающе?

Гунарстранна, пятясь, обошел стол. Сел на диван, полистал один из журналов.

– Ну и вкусы у вас, Юхансен! – презрительно бросил он.

Старик не обернулся, даже не шелохнулся в кресле. Он смотрел прямо перед собой, в одну точку на стене.

– Смотрите! – Гунарстранна поднял журнал. – Да посмотрите же, Юхансен!

Старик обернулся. Инспектор положил журнал на стол. Франк заглянул ему через плечо. Что там привлекло внимание Гунарстранны? Текста в журнале не было, только фотографии, черно-белые, судя по качеству, любительские, снятые под неудачным углом, при плохом освещении, размытые. Гунарстранна принялся листать журнал – медленно, страницу за страницей. Снимки иллюстрировали судьбу одной блондинки. Сначала ее привязывали к стулу веревкой и цепями, которые глубоко врезались в кожу. Совершенно голая, она испуганно смотрела в камеру. Огромные, как блюдца, глаза, вздувшиеся вены на шее... «Как будто ей очень больно», – подумал Франк. Интересно, ей в самом деле больно или она играет? На следующем снимке блондинка висела вниз головой, по-прежнему закованная в цепи, по-прежнему совершенно раздетая. И на лице словно отпечатался безмолвный крик. Грубая мужская рука держала ее за волосы и приставляла к горлу кинжал. На лезвии отчетливо просматривалось темное пятно. Уж не кровь ли?

Гунарстранна оторвал взгляд от журнала.

- Может быть, все случилось именно так?

Юхансен не ответил.

Гунарстранна перевернул страницу. Еще одна женщина. Снова связана. Толстая черная веревка поперек груди, веревки растягивают ноги в разные стороны. И две руки. Незвестный душит женщину, затягивая веревку у нее на шее.

- Любите смотреть, как женщин душат, да, Юхансен? - прошептал Гунарстранна. - Может, вы и сами мечтаете набросить на кого-то петлю, может быть, об этом вам грезилось, когда в ту ночь сидели тут, мастурбировали и мечтали, как спуститесь к хорошенькой соседке и медленно затянете петлю у нее на шее? Вам хотелось душить, душить ее, пока ее тело не обмякнет в ваших руках?

Глаза у Юхансена остекленели. Он без всякого выражения смотрел на коротышку инспектора. Гунарстранна встал и снова обошел вокруг стола.

- Поймать меня хотите? Хрен вам! - с ненавистью выплюнул старик, когда коварный инспектор подошел к нему вплотную.

- Юхансен, вы же не идиот. Объясните, как вы вообще могли что-нибудь видеть, если занавески в той квартире были задернуты?

- Она их потом задернула. После того как он откланялся. Дала мне полюбоваться всем, пока он не ушел, а потом задернула занавески. Подошла к окну и еще рукой мне помахала! - Последнюю фразу он произнес с болью, как раньше.

Франк нахмурился. Неужели жертва в самом деле помахала старику рукой?

Гунарстранна выпрямился; расстояние между его головой и головой старика увеличилось до полуметра.

- Значит, ее приятель просто ушел, да? Не убив ее?

– Он ждал... специально дожидался, пока она задернет занавески, а потом вернулся и прикончил ее!

– Вы все сейчас придумали!

– Это очевидно для всех, у кого есть мозги. – Юхансен немного успокоился; ему больше не угрожали. Он стиснул в руке кiset.

Гунарстранна подошел к окну и прижался носом к стеклу.

– Мне нужно знать, что вы видели, до мельчайших подробностей, – хладнокровно объяснил он и тоже закурил. – Больше ничего. Не то, что вы вообразили, не то, что вам показалось, а именно то, что вы видели.

Юхансен встал.

– Тогда я расскажу вам все как есть, – неожиданно просипел он. Хотя старик нагнулся и оперся ладонями о подоконник, он по-прежнему возвышался над коротышкой Гунарстранной. – Выложу все начистоту! – Он самодовольно хихикнул; его губы расплылись в гаденькой улыбке. Франк взволнованно выпрямился. Юхансен ткнул пальцем вниз. – Видите деревянный забор – за ним старый дом ломают? – Он показывал на участок, соседний с домом жертвы. Место сноса огораживал довольно высокий деревянный забор. – Вон там он и вылез, – хриплым шепотом продолжал Юхансен. – После того как убил мою розочку! – Глаза старика затуманились, подернулись пеленой. Он как будто разговаривал с кем-то несуществующим или с самим собой. – Только меня ему не провести! Я-то все видел. Он, наверное, не хотел, чтобы его заметили. Нарочно жался к стенам, не пошел в ворота. Решил выбраться незаметно, перелез через забор. Я видел, как он зацепился за колючую проволоку наверху. У него вся морда была в крови! Потом он, наконец, спрыгнул на ту сторону...

Гунарстранна с рассеянным видом смотрел в окно.

Юхансен боролся с новым приступом кашля.

– Прошла целая четверть часа. – Он кашлянул в кулак и сел с тем же торжествующим выражением на лице.

Гунарстранна задумчиво нахмурился.

– По-вашему, он вышел во двор, перелез на соседний участок, где сносят старый дом? Зачем ему лазить через забор? Ведь он мог спокойно выйти на улицу через ворота?

– Бог знает, зачем он полез через забор, но я все видел! – Юхансен фыркнул. – Наверное, понимал, что ему грозит за убийство!

Гунарстранна резко прервал повисшую паузу:

– Когда они вчера пришли?

Юхансен пожал плечами.

– Почему вы стали туда смотреть? Что привлекло ваше внимание? Может быть, шум?

– Нет, – промямлил Юхансен, снова вставая. – Я просто заметил, что у нее горит свет. Она включила свет. Было поздно... час ночи, наверное. Я сходил в туалет, увидел, что внизу свет горит, ну и... раз с ней был тот парень... – Он многозначительно улыбнулся. – Я и подумал: сейчас мы кое-что увидим! – Его смех снова перешел в приступ кашля. Дрожала рука, в которой он сжимал зажигалку.

– После того как молодой человек вышел утром, в дом кто-нибудь входил?

Юхансен задумался.

– Вы видели, как кто-то входил в ворота? – перефразировал вопрос инспектор.

Юхансен по-прежнему не отвечал.

– Вы видели, как кто-то входил?

– Нет, – ответил наконец старик, не глядя на Гунарстранну.

- Вы уверены?

- Да!

- Когда он от нее ушел?

- В пять, может, в шесть.

- Юхансен, я точно знаю, что между пятью и шестью утра люди приходили и уходили.

Юхансен не ответил.

- Может быть, вы просто плохо смотрели, а?

- Я рассказал вам, что я видел!

- Не все!

- Мать вашу, я сказал, что я видел!

- Что делал тот тип после того, как перелез через забор?

- Что он делал?

- Да, он побежал или?...

- Да, взял ноги в руки.

- Парень с конским хвостом?

- Да.

- Если я скажу, что два свидетеля готовы присягнуть: они видели мужчину с конским хвостом за воротами между пятью и шестью...

– И что?

Инспектор подошел к нему ближе.

– Юхансен, вы совершенно уверены, что он перелезал через забор?

– Я же сказал вам, что я видел!

– Но почему вы не видели еще двоих?

Юхансен исподлобья посмотрел на Гунарстранну.

– Теперь припоминаю! – холодно ответил он. – Они приехали на такси. Примерно в то время, когда тот тип лез через забор.

Франк напряженно вглядывался в непроницаемое лицо старика. Невозможно было определить, что происходит у него внутри. Дышал он с присвистом, слабо и ритмично, как раньше.

– Вы заметили что-нибудь еще? – выпалил Гунарстранна.

– Я уже рассказал вам все.

– Больше никого не видели?

Старик покачал головой; лицо у него закаменело.

– Юхансен, поймите, это очень важно! Вы видели, как кто-то еще входил в ворота?

– Я уже сказал вам, что я видел! – заорал Юхансен. – Он спрыгнул с забора через четверть часа после того, как она задернула занавески!

Гунарстранна его как будто не слышал. Оскалив зубы в улыбке, он спросил:

– Вы видели, как она трахалась еще с кем-то? – Юхансен посмотрел на него в упор. Смотрел он долго. – Значит, перед тем как она задернула занавески, она вам помахала, да? – Молчание. Юхансен курил и смотрел в потолок. – Вы заметили, что у нее рыжие волосы на лобке. Должно быть, вы очень внимательно ее разглядывали.

Юхансен смял окурок в пепельнице; поплювив палец, потушил горящие табачные крошки.

– Как она предпочитала?

Старик задышал тяжелее.

– Сверху или снизу? Долго у них обычно это продолжалось?

Он тяжело дышал, тихо посвистывая. Франк поймал себя на том, что смотрит на часы. Увидев, что Гунарстранна еле заметно кивает, он снова сосредоточился на старике.

– Значит, вы просидели у окна всю ночь с субботы на воскресенье?

– Потом я заснул. – Юхансен поерзал в кресле. – Я часто засыпаю в кресле... Так муторно каждую ночь раскладывать диван! – Франк проследил за его взглядом. Старик смотрел на диван, где лежал какой-то тряпичный комок. Ему не сразу удалось опознать обычную клетчатую фланелевую рубашку.

Глава 6

Франк Фрёлик не сразу почувствовал вкус к ловле лосося. Он вырос в Осло и потому никогда не рассчитывал грести на лодке для богачей, купивших лицензию на лов рыбы на реке Намсен. В детстве он занимался только подледным ловом в Эстмарке. Иногда он рыбачил на озерах в окрестностях Осло; иногда ему даже удавалось поймать щуку. Скоро рыбалка превратилась в увлечение, занимавшее все его свободное время. Как-то на Рождество он попросил себе в подарок снасть для ловли нахлыстом, которую нашел в чулане.

Вскоре произошло одно событие, которое навсегда изменило его отношение к рыбалке.

Несколько лет назад Фрёлик с двумя приятелями, состоявшими в Обществе охотников и рыболовов, поехал в отпуск. Ехали они на старом «форде-таунусе» Франка, тогда еще не окончательно развалившемся. По пути они заехали на фестиваль джаза в Молде послушать Альберта Кинга. Оттуда повернули на север и одну ночь нелегально рыбачили на берегу тихой реки. В лунном свете поблескивали омуты. Было сыро и холодно; их искушали комары. От реки тянуло прохладой, свежестью и чем-то сладким. Он забросил телескопическую снасть; леса какое-то время лежала на поверхности воды, похожей на кожу. На ночном небе висела огромная красная луна; в кристально чистой воде виднелось ее увеличенное отражение. Как будто красный мост протянулся от одного берега до другого.

Тогда-то это и случилось.

Дернуло руку. Леска напряглась, как возбужденный член. Так началась битва, которую он потом не сможет вспомнить во всех подробностях. В памяти осталось небывалое волнение. Ноги будто парализовало в ледяной воде. Он осторожно начал тянуть и окликнул друзей. Те, такие же взволнованные, метались по берегу, ища острогу и подавая советы. Крепкое удилище ходило ходуном и иногда скрывалось под водой. Рыба попалась мощная... От напряжения у него свело плечи. И еще он страшно боялся, что плохо наживил муху. С каждым метром лески, вытянутым из воды, в нем крепло ощущение победы. Наконец, над водой показалась черная спинка лосося. Рыбина податливо извивалась в воздухе и упала к его ногам.

Достаточно было одного раза, и он заразился на всю жизнь. Ловля нахлыстом стала его великой страстью.

* * *

Было раннее утро. В ожидании, когда его примут в Институте судебной медицины, он успел зайти в книжный магазин «Танум», где купил увесистый том

о насекомых. Ему хотелось понять, как они меняются – яйцо, личинка, куколка... В книге описывались все виды насекомых, какие встречаются в Норвегии. Он купил книгу с подсказки Гунарстранны. Фрелик как-то обмолвился, что хочет делать реалистичные модели. Потом он повез покупку домой. Свернув с шоссе, почувствовал, как подвело от голода живот. Он поехал короткой дорогой, мимо церкви в Манглеруде.

На улице были установлены знаки «Стоянка запрещена»; по тротуару медленно двигалась желтая подметальная машина. К своему дому Фрелик добрался задним ходом. Поднялся на лифте на девятый этаж. Вошел.

Как только он открыл дверь, он услышал, как Ева-Бритт что-то мурлычет себе под нос, – так напевают люди в наушниках, не знающие о том, что их кто-то слышит. Он улыбнулся себе в бороду. Не рассчитывал на то, что она к нему придет. Он положил покупку в прихожей, осторожно заглянул в гостиную и замер на пороге. Обнаженная Ева-Бритт лежала в шезлонге, закинув ногу на ногу и выставив пышную грудь. Комнату заливал солнечный свет; лучи проникали внутрь через большие панорамные окна. На ковре, покрытом длинными светлыми волосами, отпечатался желтый квадрат. В солнечном свете плясали пылинки. Ева-Бритт покачивала ногой в такт музыке. Все ее тело было словно на пружинах. Подрагивали и ее груди с темно-розовыми сосками. Но лицо в наушниках оказалось уродливым и ненастоящим, как будто она надела маску горгульи из папье-маше.

Почувствовав на себе его взгляд, она открыла глаза. Они блестели, как изюмины на поверхности овсяной каши.

– Что с твоим лицом? – спросил он, как только она сняла наушники.

– Йогурт, – ответило лицо, похожее на овсянку. – Маска для лица. Осторожно!

Он сел с ней рядом и, не удержавшись, погладил нежный изгиб шеи.

– Я думал, ты в университете. – Рука, двигаясь словно по собственной воле, сместилась ниже, к плоскому животу.

– Все утро зубрила, ужасно устала.

– Где твоя дочь?

– У своего отца. – Изюмины в каше потемнели. Она положила ладонь ему на плечо, погладила. – У тебя пальцы холодные.

Она говорила, как будто ей было трудно дышать. Он кивнул и легко пробежал кончиками пальцев по ее груди. Потом нагнулся и лизнул ее щеку.

– Вкусно!

Она хихикнула, когда он пощекотал ее языком; приподняв ее одной рукой за шею, он снова лизнул йогурт. Проглотил.

– Сейчас только половина одиннадцатого, – донесся до него ее голос, словно издали. Пальцы гладили низ ее живота... Он снова лизнул ее щеку. Проглотил. Снова лизнул... Скоро у нее очистились подбородок и один глаз. Он пытался раздеться, действуя одной рукой, но запутался в свитере.

Ему удалось съесть почти всю ее йогуртовую маску. Под пленкой блеснули алые губы. Он неловко прыгал на одной ноге, пытаясь снять брюки. Упал на пол, с трудом встал на одно колено. Она широко улыбнулась и подала ему руку. Наконец, он тоже разделся.

– Господи, какой же ты толстый! – с довольным видом воскликнула она, высвобождаясь из его объятий. Она попыталась убежать, но он, все больше возбуждаясь, погнался за ней и настиг ее в спальне. Бросился на нее, придавил к кровати... Есть! Она радостно взвизгнула.

Они упали на кровать. Матрас просел почти до пола; угрожающе застонали пружины.

– Ты жива? – заботливо спросил он.

– Кажется, – хихикнула она.

Она заснула в его объятиях. В солнечном свете ее ягодицы казались ослепительно-белыми. Зазвонил телефон. Он постарался высвободиться, не будя ее. Над ними, как брошенная декорация, возвышался каркас кровати. Когда он дотянулся до трубки, она тихо вздохнула во сне и перекадилась на бок.

- Да! - сказал он, заранее зная, кто звонит. - Да, - повторил он. - Еду!

Она перевернулась на спину. Ее освещало солнце. Закинула руки за голову и томно потянулась.

- Кто звонил? - сонным голосом спросила она.

- Гунарстранна.

- Тогда ты лучше иди.

- Ага.

- По-моему, твоему дружку очень не хочется отсюда уходить.

Он ухмыльнулся.

- Во всех романах, которые я читала, у героев после любви все падает. А у тебя все наоборот... - Она обвиняюще ткнула пальцем в его восставший член.

- Все потому, что ты читаешь такие гадкие книги.

Он посмотрел в окно. Голубое небо и верхний этаж соседнего дома. Окна.

- И вообще, ты сломал кровать, - продолжала она, когда он пошел в душ.

Когда-то они с Евой-Бритт учились в одном классе. Потом потеряли друг друга из вида и встретились снова три года назад. Женщина с фигурой, похожей на песочные часы, и с коляской пыталась войти в переполненный автобус. Он узнал ее, когда подбежал помочь.

Через два часа они уже лежали в постели в его комнате в общежитии, вспоминали старые добрые времена, а полуторогодовалая Юли спала в коляске в общей кухне. Мать с дочерью жили в отдельной квартире; Ева-Бритт в то время уже развелась.

– Купишь красного вина? – крикнула она, когда он выключил воду.

Он вышел, мечтая приласкать ее пышные груди. Она успела набросить на себя халат, но, увидев его, словно прочитала его мысли и улыбнулась.

– Отлично, – пробормотал он, улыбувшись, когда с ее губ сорвался тихий вздох. Она поспешила в ванную. – Я куплю бутылку красного.

Глава 7

В Манглеруде он зашел в супермаркет за красным вином. Стоя в очереди, он думал об убитой Рейдун Росендаль. Интересно, какая она была? И знала ли, что у нее за соседи? Ну, допустим, старикашка совсем тронулся и на полном серьезе верит, что в роковую ночь Рейдун сама показала ему все, о чем он только мечтал. Но так ли это на самом деле? Так ведут себя в основном семейные пары, которых застиг кризис среднего возраста; позволяя посторонним наблюдать за собой, они добавляют пикантности своим интимным отношениям...

Тревожные мысли не отпускали его. В конце концов, Рейдун ведь была не одна! У нее находился какой-то парень. В обычных условиях они бы не думали ни о ком, кроме друг друга. Может быть, в порыве страсти они просто забыли задернуть занавески? Но то, что случилось потом, обычным не назовешь. Рейдун убили. Был ли влюблен в нее мужчина, которого она пригласила к себе домой? И кем надо быть, чтобы зарезать женщину, с которой всю ночь занимался любовью?

После того как Фрёлик заехал за Гунарстранной в Грёнланн, они отправились в Институт судебной медицины, где их ждал профессор Швенке. Встретив детективов, профессор буквально полетел вперед. Из-за тощих ног казалось, что на нем не обычные костюмные брюки, а клеши.

Заведя их к себе в кабинет, Швенке прочел целую лекцию, иллюстрируя ее фотографиями убитой. Хотя свои седые волосы профессор зачесывал назад, его шевелюра как будто обладала собственной волей. Упрямая прядь не желала оставаться в том положении, какое придавал ей хозяин, и все время падала на лоб. Квадратные очки в позолоченной оправе казались огромными на испитом, желтоватом лице. Профессор положил на стол первый снимок, подался вперед и принялся анализировать ход событий.

– Судя по форме ран и углам вхождения, убийца продолжал наносить удары даже после того, как жертва упала на пол, – с профессиональным бесстрашием объяснял он. – После падения жертвы убийца нанес еще не менее трех ударов. Невероятно, но лишь в последний раз нож задел жизненно важные органы...

Швенке говорил невнятно, как будто одновременно сосал ириску.

Гунарстранна подавал реплики, задавал вопросы. Франк Фрелик не вмешивался. Он наблюдал за инспектором. Гунарстранна заложил руки за спину и сплел пальцы. Он не сводил взгляда с лица Швенке. Инспектор напоминал рыбу, насаженную на крючок: он сутулился, опустил голову и только тарачил на профессора глаза.

– Умерла она сравнительно быстро, – продолжал Швенке, показывая следующую фотографию. – Всего убийца нанес ей девять ударов. Смотрите. – Он достал увеличенный снимок изрезанной груди. – Ее можно было убить всего одним ударом – вот этим. Нож задел левое легкое и сердце... – Профессор погладил подбородок длинными, костлявыми пальцами с нестриженными желтыми ногтями и продолжал: – Судя по наличию спермы во влагалище, перед смертью жертва занималась сексом. Правда, трудно сказать, за какое время до смерти. Придется подождать, когда придут результаты анализов.

Швенке передал Фрелику стопку фотографий. Гунарстранна не шелохнулся.

– Она была наркоманкой? – рявкнул он.

– Определенно нет, – уверенно ответил Швенке.

– Ее изнасиловали?

Швенке замялся.

– С физиологической точки зрения – нет, так как внутренние органы не повреждены, – сказал он наконец. – Ясно одно: перед тем как ее убили, она вступала в сексуальный контакт. Хотя... что такое изнасилование? Рассуждая гипотетически, насильник мог ее принудить...

– Значит, изнасилования вы не исключаете?

Швенке снова задумчиво погладил себя по подбородку.

– Нет, – сухо ответил он. – Изнасилования я не исключаю. Но по-моему, к данному вопросу следует подходить с юридической точки зрения, в зависимости от того, какими обстоятельствами сопровождался акт соития. – Он задумчиво пошевелил губами и добавил: – Попробуйте выяснить, что произошло непосредственно перед убийством.

Выйдя из кабинета, они направились в лабораторию. Ее стены покрывали полки с разнообразными колбами, мензурками и разными коробочками. Здесь так сильно пахло формалином, что Франк уже собрался стрелкнуть у босса сигаретку, чтобы не стошнило. Где-то на заднем плане жужжали вентиляторы, тщетно пытаясь разогнать густой запах химикалий. В центре зала стоял стальной стол на шарнирах, закрытый простыней. Под ней просматривались очертания человеческого тела. Покрывало, видимо, набросили на тело в спешке; в углу виднелись пятна крови. Рядом со столом стояло пластмассовое ведро довольно зловещего вида, закрытое крышкой. На крышке валялись окровавленные резиновые перчатки.

– Нет, нет, это не она! – воскликнул профессор Швенке, заметив, куда смотрит Франк. – Здесь у нас самоубийца, – со вздохом пояснил он. – Приняла два флакона снотворного в один присест!

Все трое молча посмотрели на стол.

– Когда она умерла?

– Кто? – ошеломленно спросил Швенке, поворачиваясь к инспектору Гунарстранне.

– Девушка, которую резали ножом!

– Сейчас мы исследуем содержимое ее желудка. Повторяю, все анализы проводятся своевременно. Пока могу сообщить вам не слишком много. – Он кивнул в сторону стола и добавил еще невнятное, словно у него во рту прибавилось ирисок: – Конечно, существует погрешность, все значения несколько колеблются. А сейчас как раз...

– Как, по-вашему, она кричала?

Швенке раздраженно повернулся к Гунарстранне:

– Кто?

– Кричала ли она, когда убийца наносил ей удары?

– Д-да, наверное... впрочем, ее могло парализовать. Вполне возможно, удар, задевший легкое, был первым. – Швенке глубоко вздохнул и обратился к Франку: – Вот так всегда. Помню, служил я судмедэкспертом в Тромсе. Если кто-то вешался на балке в амбаре, можно было смело утверждать, что это случилось в ночь полнолуния.

– На убийце было много крови?

Швенке невозмутимо улыбнулся и, прежде чем повернуться к Гунарстранне, подмигнул Франку. Потом он протянул инспектору еще один снимок.

– Как видите, рукоять ножа вся в крови. Скорее всего, испачкались и руки, державшие нож! – Он помолчал. – На самом деле точно сказать трудно... Убийца наверняка забрызгался кровью, но неясно, насколько сильно. Как вы сами видели, на полу возле трупа крови было немного. И, судя по снимкам с места преступления, непохоже, чтобы кровь забрызгала стены и мебель...

Профессор снова повернулся к Франку, собираясь что-то сказать, но ему помешали. Зазвонил серый телефон, стоящий на одном из столов.

- Это вас! - Швенке передал трубку Гунарстранне.

Тот схватил ее и сухо бросил:

- Да?

Франк и Швенке не успели и словом обменяться, а инспектор уже бросил трубку на рычаги.

- Фрёллик! «Конский хвост» нашелся!

Глава 8

- Значит, вы совершенно уверены, что она заперла за вами дверь?

- Да.

- Вы проверяли?

- Нет, слышал щелчок.

- Вы уверены, что она именно заперла дверь? Может быть, это захлопнулось окно...

- Уверен. Это щелкнул дверной замок.

Инспектор Гунарстранна хмыкнул и подпер голову кулаком. В другой руке он держал сигарету, пепел с которой только что стряхнул в пепельницу. Вокруг головы инспектора плавали клубы сизого дыма, однако Гунарстранна не обращал на них никакого внимания.

Напротив Гунарстранны на стуле сидел молодой человек лет двадцати пяти – двадцати восьми. Его длинные черные волосы были стянуты в конский хвост. Франк наблюдал за ним сбоку. Курносый, не до конца оформившийся нос тинейджера не сочетался с трехдневной щетиной. На виске пластырь, не до конца закрывавший коричневатую красную корочку на царапине. Черная одежда подчеркивала худобу. Молодой человек, похоже, не любил заниматься спортом – его трудно было назвать атлетом. Сообразив, что не в состоянии ничего запомнить, Франк включил диктофон и придвинул к себе клавиатуру компьютера, собираясь записывать все, что ему удастся расслышать.

– Сколько времени вы пробыли во дворе? – услышал он вопрос Гунарстранны.

– Не знаю. – Молодой человек нервно кашлянул. – Не больше десяти минут.

Франк Фрёлик записал ответ. Какое-то время в комнате слышалось лишь тихое клацанье клавиш.

– Вас кто-нибудь видел?

– Не знаю.

– Как не знаете? Если вы возились там десять минут или больше, вы, наверное, подняли страшный шум! Сами подумайте!

Молодой человек снова кашлянул и сглотнул слюну.

– Я правда не знаю!

Франк перестал записывать. Со скрипом развернулся к Гунарстранне. Инспектор не спеша смял окурок, встал из-за стола, подошел к молодому человеку. Сел рядом с его стулом на корточки, руки положил на колени.

– Вы боитесь, – заметил он и негромко продолжал: – Вы дрожите.

Молодой человек отвернулся.

В свете настольной лампы извивался сизый дым.

- Зачем вы полезли через забор?

- Я вам уже говорил. Я хотел пойти домой!

- Почему вы не позвонили ей, чтобы она отперла вам дверь?

- Потому что...

- Почему?

- Сам не знаю.

Гунарстранна встал, вернулся на свое место.

- Почему вы пришли в полицейское управление?

- Что значит «почему»?

- Ну, откуда вы узнали об убийстве?

- Прочитал.

- В газетах не было ни имен, ни адресов.

- У меня появилось предчувствие...

- Что еще за предчувствие?

- Она не отвечала на телефонные звонки. Я звонил, звонил, а она не подходила к телефону. Поэтому я захотел убедиться, что в газете речь не о ней...

- Значит, раньше вы ее не знали?

- Нет.

- И познакомились с ней только в субботу?

Молодой человек задышал чаще и не ответил.

- Пожалуйста, отвечайте на вопрос!

- Она умерла.

- Спасибо, я в курсе.

Снова наступила тишина. Только тихо жужжал компьютер.

- Сколько раз вы с ней занимались любовью?

Молчание.

- Отвечайте на вопрос. Сколько раз вы с ней занимались любовью?

- Два раза.

- Вы как-то предохранялись?

- Нет.

- Даже презервативом не пользовались?

- Нет. Я решил, что она... что у нее спираль или что-то в этом роде.

- В наши дни, когда свирепствует СПИД?

- У меня не было презерватива.

- Значит, вы отправляетесь на поиски приключений и считаете, что женщина должна сама обо всем позаботиться?

– Я не искал приключений.

– Но вы с ней переспали!

Молчание.

– Да отвечайте же!

Молодой человек в черном глубоко вздохнул.

– Хорошо, допустим, вы не искали приключений. Что же произошло?

– Мы познакомились, как я и сказал... разговорились, выпили вина, и... ну, в общем, решили поехать к ней.

– Где вы познакомились?

– В ресторане, который называется «Скарлет». – Он помолчал. – Да, он называется «Скарлет». Раньше я там никогда не бывал, ее не знал, никогда ее раньше не видел, она сидела одна... мы потанцевали... потом... ну, в общем... я подсел к ней... и...

– Она была одна?

– По-моему, да.

– Что значит «по-вашему»?

– Мне так показалось.

– Она сидела одна и ждала, пока ее снимут?

– Нет.

– Что значит «нет»? Она сидела в одиночестве, да?

- Да.

- А на самом деле пришла не одна?

- Она была одна, но не в том смысле.

- А в каком?

- Она ни с кем не танцевала постоянно.

- Ага! Значит, она танцевала с несколькими партнерами?

- Да.

- И вы положили на нее глаз?

- Да.

- Пригласили ее потанцевать?

- Да.

- И утверждаете, что вы не искали приключений! Вы лжете! - Гунарстранна откатился на стуле от стола. Принялся в досаде ездить туда-сюда.

Молодой человек сидел с безучастным видом и рассеянно смотрел перед собой.

- Почему вы в субботу пошли в тот ресторан?

- Сам не знаю. У меня был выходной... Я мог пойти куда угодно. Гулял по городу.

- Что было потом?

- Ну, мы разговорились, вроде как понравились друг другу.

- Ясно. Что произошло у нее дома?

- Ну... мы переспали.

- И как?

Молчание.

- Я спрашиваю, как все прошло. Что вы делали?

- Мы...

- Она сама предложила?

- Что значит «предложила»?

- Разделась, легла на кровать, раздвинула ноги?

- Нет... мы...

- Продолжайте, рассказывайте, как все было!

- Она же умерла!

- Повторяю, я в курсе того, что она умерла. - Гунарстранна оттолкнулся ногами от пола; его стул с грохотом врезался в стол. Инспектор наклонился вперед. - Ради всего святого, рассказывайте, что случилось после того, как вы к ней пришли!

- Я ее обнял.

- Как?

- Мы поцеловались.

- Как именно вы ее обняли?

- Я погладил ее по заду.

- А потом?

- Потом мы легли в постель.

- Одетые?

- Я ее раздел.

- Она при этом кричала?

- Кричала?

- Да, кричала и просила: «Не надо!» Разве не так все было?

- Нет, не так!

Гунарстранна ударил кулаком по столу:

- Разве все было не так? Ведь она кричала! Кричала долго; вам пришлось заткнуть ей рот, верно?

- Нет!

- Тогда взгляните! - Гунарстранна выложил на стол увеличенный снимок изрезанной груди Рейдун Росендаль.

Молодой человек взял снимок и быстро взглянул на него. Франк так и не понял, что он при этом почувствовал. Трупы вообще не слишком привлекательны... в том числе и труп убитой девушки. Ужасные раны, между грудями торчит окровавленная рукоять ножа...

– Видите галстук? – свистящим шепотом спросил Гунарстранна. Молодой человек недоверчиво покачал головой. – Он торчит из-за шапочки для душа!

Молодой человек кивнул, но разглядывать снимок больше не стал. Он перевернул его.

– Галстук ваш?

– Я ее не убивал!

– Это ваш галстук?

– Я не убивал ее!

– Это ваш галстук?!

– Вы не имеете права обвинять меня в том, чего я не совершал!

– Отвечайте на вопрос! Это ваш галстук или нет?

– Да, черт возьми! Это мой галстук!

Молодой человек неожиданно вскочил и швырнул фотографию на стол.

Не говоря ни слова, Гунарстранна снова отъехал от стола. Самокрутка, зажатая во рту, дергалась вверх-вниз. Инспектор посмотрел вперед. Положил сигарету в пепельницу и чуть подвинулся к подозреваемому.

– Сигур, вы часто выходите из себя?

Агрессивная поза немедленно сменилась другой. Тощие ноги задрожали. Он с трудом нашарил за спиной стул. Сел.

– Я не вышел из себя. – Молодой человек смотрел вперед; он смущенно молчал.

– Я спросил, часто ли вы выходите из себя.

Молодой человек отвернулся.

- Сигур, в тех редких случаях, когда вы выходите из себя, вы очень злитесь, верно?

Сигур пожал плечами.

- Вы что-нибудь ели в ту ночь?

- Да... несколько кусков хлеба... и яичницу.

- Когда?

- Я не смотрел на часы.

- После того как вы трахнулись в первый раз?

Молодой человек кивнул.

- И как она вела себя в постели?

Молодой человек замялся.

- Она проявляла инициативу?

Молчание.

- Или лежала как мешок с картошкой и только позволяла себя обслужить?

Сигур не ответил.

- Сигур, вам нравится, когда партнерша сопротивляется, да?

Никакого ответа.

- Отвечайте, когда я с вами разговариваю!

- Вы бросаете тень на человека, которого уже нет.

- Ладно! - Франк увидел, как Гунарстранна встал и вскинул руки вверх. Некоторое время походил по комнате. - Значит, вы ели хлеб, - заговорил он после паузы. - И яичницу... - Гунарстранна задумался. - Кто резал хлеб?

- Я.

Гунарстранна вернулся к столу, выдвинул ящик, достал нож. Франк наблюдал, как лезвие блестит в свете лампы. Оно было немного изогнутым. В полной тишине Гунарстранна положил нож на стол. Лезвие царапнуло по столешнице. Сигур шумно сглотнул слюну.

Гунарстранна сел на место и негромко приказал:

- Возьмите нож, Сигур!

Молодой человек снова сглотнул, зашаркал ногами. Ему было не по себе. Гунарстранна облокотился о стол.

- Возьмите нож! - повторил он.

Сигур посмотрел в потолок. Смотрел долго.

- Возьмите нож! - Голос инспектора эхом отдался от стен, как удар хлыста.

- Нет! - прошептал Сигур и глубоко вздохнул. Сглотнул. Попытался взять себя в руки, ему хотелось что-то сказать. - П-почему? - начал он, шмыгнув носом, снова замолчал. - Почему вы не оставите ее в покое?

Гунарстранна взял нож и начал играть с ним. Кончиком лезвия почистил ногти.

- У вас есть адвокат?

Сигур низко опустил голову, так, что она едва не задевала край стола.

– Это вы ее зарезали?

Сигур не ответил.

Франк поймал унылый взгляд Гунарстранны. Кивнул и выключил диктофон.

– Фрёлук, – хрипло сказал Гунарстранна, – верните его в камеру!

Глава 9

Фрёлук высадил Еву-Бритт у станции метро «Стадион Уллевол». Было раннее утро, но первая пробка уже рассосалась. Настроение у Фрёлука улучшилось. Он довольно быстро проехал по Сместаду и в начале десятого уже остановился перед современным офисным зданием на Драмменсвей в Люсакере. С собой он взял только записную книжку и несколько карандашей.

Здание выделялось из общей массы окружающих его строений. Образец коммерческой архитектуры, вдохновленной эскимосскими иглу и дохристианскими храмами. На фасаде имелась табличка с фамилиями архитекторов. Двери автоматически разъехались в стороны, и детектив вошел в вестибюль.

Здесь пол был выложен отполированными каменными плитами различных оттенков. Они напоминали ковер; вместе создавалось целостное впечатление. Фрёлук подумал, что такой пол наверняка обошелся недешево. Белые стены до половины были обшиты полированными позолоченными панелями. Напротив входа за огромной стеклянной перегородкой, как в метро, стояла женщина-администратор. Лет тридцати на вид, одетая в соответствии с офисным дресскодом в юбку и жакет из серовато-голубой шерсти, она казалась ярким пятном на фоне сдержанного интерьера. Волосы у нее были густые, темно-каштановые, с красноватым отливом. Подойдя ближе, Фрёлук заметил черное родимое пятно во впадине между подбородком и широким ртом.

Она кивнула ему и, не переставая что-то набирать на компьютере, заговорила в микрофон, прикрепленный к плечу. Фрёлик заметил, что руки у нее сильные, а короткие ногти не покрыты лаком.

Он перегнулся через стойку; ее пальцы порхнули по клавиатуре. Она перестала разговаривать.

– «ПО партнерс» находятся здесь, верно?

– Третий этаж.

Казалось, офисный костюм ей жмет. Во всяком случае, ей было как-то не по себе. Помолчав, она собралась продолжить разговор, который вела до его прихода.

– Не беспокойтесь! – Фрёлик жестом указал на микрофон. – Я сам найду дорогу.

Разъехались дверцы лифта, и он очутился в просторном общем зале. Оказалось, что его уже ждут. Значит, красавица администратор с родимым пятном все же предупредила о его приходе.

– Вы, наверное, из полиции?

Франк хмыкнул и пожал протянутую руку.

– Эйвинн Брегор. – Встретивший его человек поклонился. – Менеджер по финансам.

Брегор оказался высоким, хорошо сложенным малым лет сорока. Хотя ладони у него были изящные, Фрёлик сразу понял, что новый знакомый много времени проводит в тренажерном зале. Голова казалась странно маленькой по сравнению с мощными плечами и торсом. Под носом красовались пышные усы в виде двух дуг, свисающих вниз. Усы, как и коротко стриженные волосы, были светлыми. За столом, стоящим за спиной Брегора, сидела пухлая блондинка.

– А вы?... – спросил Франк, протягивая ей руку. Блондинка вскочила так быстро, что стул на колесиках откатился назад. Смущенно присела. Рука ее оказалась вялой, как резиновая перчатка, и повисла в воздухе.

– Лиза Стенерсен.

Она представилась не сразу, нервно кашлянув. Из-за широких туфель на плоской подошве она казалась коренастой и коротконогой. Пышные белокурые волосы служили идеальной рамкой для круглого лица и двойного подбородка.

Развернувшись к атлету, Франк Фрёлик заметил, что тот носит в левом ухе крошечную серьгу в виде кольца.

Некоторое время все молчали. Первым не выдержал Брегор.

– Итак? – спросил он, покачиваясь на пятках; ему явно было не по себе.

– Давайте найдем место, где можно было бы поговорить, – любезно предложил Франк.

Менеджер по финансам кивнул и первым вышел в дверь на другом конце зала.

Его кабинет был обставлен по-спартански. Кроме письменного стола, в нем почти ничего не было. Зато кресло, на котором восседал Брегор, оказалось роскошным, велюровым, со встроенным раскладным механизмом. Фрёлик представил, как приятно, сидя на таком кресле, откинувшись назад и положив ноги на стол, мечтать о рыбалке. Кроме стола и стула, в кабинете нашелся лишь шаткий табурет. Фрёлику пришлось придвинуть его к стене, чтобы было к чему прислониться. Розовые стены были завешены рекламными глянцевыми плакатами. Компьютеры и программное обеспечение рекламировали длинноногие пышноволосые красотки в сетчатых чулках.

Брегор сел в кресло и надел на нос узкие прямоугольные очки без оправы.

– Надеюсь, вы догадываетесь, что я пришел из-за... – начал Франк, с трудом отрываясь от созерцания длинных ног.

– Рейдун, – кивнул Брегор. – Я так и понял.

Франк улыбнулся и крупными буквами написал в блокноте: «КОЗЕЛ». Затем принялся рисовать человечка за забором с подписью «Килрой был здесь».

– Рейдун Росендаль служила у вас агентом по продажам?

Брегор кивнул.

– Судя по тому, что мне рассказывали, вы торгуете программным обеспечением?

– Мы специализируемся на офисных программах и системах управления... –

Брегор принялся рыться в ящике стола. – Сейчас мы как раз собираемся расширяться... – Он не без труда достал из ящика увесистую стопку буклетов, протянул их Фрёлику. – Кстати, Рейдун оказывала нам неоценимую помощь. Она находила дистрибьюторов и заинтересованных лиц. Разумеется, она продавала и наши обычные продукты. – Он деловито скрестил руки на столешнице.

Франк рассеянно листал буклеты. Разноцветные графики, красивые слова, сулящие огромные прибыли... С глянцевого разворота улыбалось усатое лицо человека, сидевшего напротив. Удачный снимок! Фрёлик сравнил его с оригиналом. На фотографии заретушировали кольцо в ухе... Перед съемкой Брегор переоделся в строгий костюм. С разворота смотрел классический финансист в белой рубашке, сером пиджаке, при галстукке. В тех же очках, что и сейчас. Менеджер по финансам поднимал вверх большие пальцы обеих рук, как пилоты союзников в годы Второй мировой войны. «Верьте мне», – гласила надпись в пузыре над его головой.

– Кто еще, помимо Рейдун, трудился в отделе обслуживания клиентов?

– Свеннебю, заведующий отделом маркетинга, и я. – Брегор развел руками. – Компания у нас небольшая, всем сотрудникам приходится совмещать различные обязанности. Энгельсвикен, наш директор-распорядитель, также занимается продажами, если у него есть время.

– Сколько у вас служащих?

– Всего пятеро... то есть нет, извините, теперь осталось четверо. Пятеро нас было вместе с Рейдун.

Фрелик взял буклеты и уточнил:

– Значит, вы собираетесь расширяться?

– У нас растущая компания, – самодовольно пояснил Брегор. – Мы надеемся привлечь новых дистрибьюторов по всей стране.

– Местных?

– Нет, мы пользуемся услугами зарубежного агентства. – Он откинул голову на спинку кресла, растопырил пальцы, побарабанил кончиками друг по другу. – Все в нашем названии. «ПО партнерс». Компания привлекает новых партнеров и растет за счет совладельцев.

Франк кивнул.

– Насчет Рейдун...

Брегор ждал продолжения.

– Вам известен ресторан под названием «Скарлет»?

Глаза у Брегора забежали. Он наклонился вперед и положил локти на стол. Пригладил усы.

– «Скарлет»? – переспросил он, словно пробуя название на вкус. – Да... действительно... я там бывал.

– Давно?

– Кажется, несколько недель назад.

– А в прошлую субботу?

– Нет.

- Где вы были в прошлую субботу?

- Дома.

Фрёлик не спешил. Выждав немного, он спросил:

- Кто может это подтвердить?

- Откровенно говоря, весь вечер я пробыл один.

- Смотрели телевизор?

- Нет.

- По телевизору показывают одно дерьмо, - заметил Фрёлик, проверяя реакцию собеседника. - Я тоже никогда не смотрю телевизор. Готовлю наживку для рыбы.

Менеджер по финансам молча смотрел на него.

- Когда я готовлю наживку, я слушаю радио, - продолжал Фрёлик, что-то царапая в записной книжке. - На многих каналах передают хорошую музыку. Это гораздо лучше, чем унылые телеразвлечения. Вы со мной согласны?

- Да, наверное, вы правы, - со снисходительной улыбкой ответил Брегор.

- Кстати, вы в субботу, случайно, не слушали радио?

- Нет. - Улыбка тут же исчезла.

- Вы женаты?

Брегор покачал головой.

Франк вытянул ноги и сбросил свои ношенные туфли. Запахло старыми носками. Брегор словно окаменел. Франк проследил за его взглядом и заметил в одном

носке дырку, из которой торчал мизинец. Он пошевелил пальцами. Не забыть постричь ногти на ногах.

- А подружка? - спросил он.

Брегор его не понял. Франк вздохнул.

- Я спросил, есть ли у вас подружка.

- Нет! - раздраженно ответил Брегор.

- Брегор, чем же вы все-таки занимались в субботу вечером?

- Я был дома! - выпалил менеджер с недовольным видом. - Телевизор не смотрел, радио не слушал. Рано лег спать.

Фрелик кивнул.

- Я рано лег спать, потому что в воскресенье мне нужно было рано вставать, - продолжал атлет.

Фрелик нахмурился, вопросительно посмотрел на своего собеседника.

- Я собирался совершить долгую прогулку по полям.

- Разве сейчас для таких прогулок не слишком сыро?

- Сыро, но я все же пошел.

- Один?

- Да, один, - кивнул Брегор.

- И часто вы так гуляете?

– Да, часто.

Франк не сводил с него взгляда. «Загорелый... Мускулистый... Да, пожалуй, он действительно часто совершает пешие походы. Никто не удивится, встретив такого здоровяка где-нибудь в лесу или на проселочной дороге... Ему нужно только переодеться. Надеть толстый свитер вместо белой рубашки, зеленые прогулочные брюки вместо модных джинсов. Прочные ботинки, толстые носки. Да, наверное, он из когорты любителей пеших прогулок. Но на самом ли деле он в воскресенье ходил в поход, это вопрос другой...» Франк решил сменить тему:

– Вы хорошо ее знали? Я имею в виду Рейдун.

Брегор промямлил что-то невнятное.

– Вы проработали вместе полгода, – не сдавался Фрёлик. – Вы успели хорошо ее узнать?

– Д-да, немного. – Фрёлик понял, что его собеседнику не по себе. – Извините... – Брегор уныло вздохнул, повозился, положил ладони на стол. – Какой ужас! – Он встал на ноги, подошел к окну, посмотрел на улицу. Широкие плечи, узкая талия, необычно мощные бедра.

– В пятницу она была здесь с вами!

Брегор что-то буркнул и скривился, став похожим на героя комедийного телесериала. Он все время то сжимал, то разжимал кулаки и одновременно качал головой. Фрёлик решил, что это неспроста. Брегору не по себе; сейчас признается в чем-то неприятном.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– В пятницу после обеда. Я пригласил ее на свидание, но она отказалась.

Фрёлик ждал, но продолжения не последовало.

– Значит, вы с ней ходили на свидания?

– Иногда.

– Вы встречались?

– Что значит «встречались»? – Брегор развернулся, как будто почуяв подвох.

Франк глубоко вздохнул и ответил ему холодным взглядом.

– Вы были с ней?

– Что вы имеете в виду?

– Скажу по-другому. Вы с ней спали?

Брегор вернулся на место и сел. Он заметно помрачнел.

– Да. Я с ней спал, – нехотя буркнул он.

– Часто?

– Ради всего святого, я же ответил на ваш вопрос! Или вас интересует, сколько времени мы этим занимались?

Франк невольно вспомнил пьесу Бьёрнстерне Бьёрнсена «Любовь и география». Там герой тоже вечно суется и орет из-за своих карт, пренебрегая семьей.

– У вас были прочные отношения? – дружелюбным тоном спросил он.

– Нет! Не было у нас никаких отношений!

– Значит, прошло довольно много времени с тех пор, как вы спали с ней последний раз?

Брегор не ответил.

– Или вы просто звонили ей и договаривались перепихнуться по-быстрому, когда это было удобно?

Брегор медленно снял очки. Пальцы у него не дрожали. Но глаза метали молнии.

– Можете считать, вам повезло, что вы пришли сюда по официальному делу. Иначе я бы...

– Да ладно! – отмахнулся Франк и полистал записную книжку, чтобы напомнить собеседнику, что они не просто болтают. – Когда вы пригласили ее на свидание в пятницу и она вам отказала, вы решили, что она встречается с кем-то другим?

– Вас интересует, был ли у нее другой?

Брегор успел успокоиться. Покачался в кресле и задумчиво уставился в стену, где пышноволосая красотка по-прежнему спускала с бедра чулок, стоя вполоборота к камере. Серебристые трусики-танга на ее заднице казались просто шнурком. Голова была повернута анфас; она приоткрыла губы, как для поцелуя.

Брегор долго думал и наконец ответил:

– Нет.

– Иными словами, она держала вас на расстоянии? – уточнил Франк, пристально глядя на своего собеседника.

Губы Брегора сложились в презрительную улыбку. Он не ответил.

– Какая она была?

Улыбка исчезла. Брегор зловеще прищурился. Глаза превратились в две черные точки.

– Вас интересует, какой она была в постели?

Франк решил не отвечать. Пусть идиот еще немного помучается – ишь, разволновался! И так вцепился в столешницу, что костяшки пальцев побелели.

– Ей нравилось сзади, – прошипел Брегор. – Может, пойдете в квартал «красных фонарей» и купите себе проститутку? Это гораздо лучше, чем записывать, чем занимаются другие!

Франк снисходительно улыбнулся.

– Меня интересует, какой была Рейдун Росендаль в промежутках между тем, как занималась этим сзади или спереди. Какой она была на работе? И вообще, что она была за человек?

– Модница, – без выражения ответил Брегор. Гнев прошел, и он снова погрузился в меланхолию. Смотрел он, как и раньше, куда-то вдаль. – Очень любила одеваться... и свою собаку. Конечно, она не могла держать собаку в малогабаритной квартире. Собака осталась у ее матери, в Вестланне. Да, кстати, она много рассказывала о своих родных краях, о юго-западном побережье.

– Ей не нравилось в Осло?

– Нет, по-моему, нравилось. Просто... она была такая... – Брегор щелкнул пальцами, подбирая нужные слова. – Она была... своеобразная! Да! – с довольным видом повторил он. – Она была своеобразная.

– Вы сказали, она любила одеваться. Каким был ее стиль?

– Никакого особого стиля не было. – Брегор вздохнул. – Понимаете? Ей все шло, и она могла вырядиться как угодно. То суцкая школьница, то мечта рецидивиста. Она... Может быть, именно это и отличало ее от остальных.

«Мечта рецидивиста», – записал Фрёлик и поднял глаза.

– В самом деле?

Брегор по-прежнему смотрел в пространство. Он больше не играл, не притворялся.

– Она была... Нет! – Он покачал головой. – Ужасно говорить о ней в прошедшем времени!

Франк Фрёлик ждал, но Брегор уже перегорел. Он побледнел и как-то осунулся. Одна дуга усов уныло обвисла между тонкими, бескровными губами.

– С кем она здесь больше всего общалась?

– С Соней. – Брегор повернулся в кресле и со вздохом повторил: – С Соней Хагер... Она скоро придет.

Франк не спеша надел туфли. Старательно завязал шнурки. Встал. Брегор по-прежнему сидел, раскачиваясь в кресле и явно думая о чем-то своем. Франк направился к двери. Брегор рассеянно катал в руке шариковую ручку.

– Если вспомните что-нибудь, способное нам помочь, – дружелюбно сказал Фрёлик на прощание, – звоните нам.

Не дожидаясь ответа, он повернулся кругом и вышел в просторный холл с лифтом.

Глава 10

Лицо у Лизы Стенерсен оказалось гладким, как у молодой девушки. А все-таки возраст давал себя знать, особенно после того, как она надела верхнюю одежду – плащ на теплой подкладке. В таком плаще и туфлях без каблука, похожих на домашние тапочки, она стала похожа на артистку-любительницу. Только цветка на шляпке не доставало. Увидев Фрёлика, она смутилась и посмотрела на часы. Делано улыгнувшись, она принялась распечатывать какой-то документ.

– Я не вовремя? – спросил Фрёлик, чтобы немного успокоить ее.

– Что вы, нет! – Она вспыхнула. Быстро осмотрела себя сверху вниз, разгладила плащ и покраснела еще больше. Тут зазвонил телефон. Она поспешила к одному

из столов в центре зала.

Франк сел на диван у нее за спиной, развалился поудобнее и стал смотреть на ее отражение в окне.

– Нет, к сожалению, сегодня его нет, – сухо ответила Лиза и собралась уже повесить трубку, но разговор, видимо, принял неожиданный оборот. – Что такое? – воскликнула она громким фальцетом и принялась взволнованно расхаживать туда-сюда. Наверное, хотела сесть, но стула поблизости не оказалось. – Да... понимаю... Да, конечно.

Вначале она говорила заученными фразами, потом принялась искренне выражать сочувствие. Видимо, запасы человеколюбия скоро иссякли; ей не терпелось поскорее закончить разговор.

Положив наконец трубку, по-прежнему смущенная, она стала задумчиво грызть ногти. Фрёлик понял: что-то случилось.

– Вы все-таки опоздаете, – заметил он.

Лиза Стенерсен перестала грызть ногти и прикусила губу.

– Да, наверное!

– С кем вы сейчас разговаривали? – спросил он, не стыдясь своего любопытства.

– С женой Эгила Свеннебу, нашего менеджера по маркетингу. – Лиза Стенерсен неуклюже присела на краешек стула. – Она очень волнуется. Кажется, ее муж не ночевал дома. Она заявляет, что он пропал. – Опустив глаза, она улыбнулась. Франк Фрёлик не отводил взгляда.

– Она заявила в полицию?

Лиза пожала плечами:

– Не думаю, что ей хочется вовлекать в дело полицию.

– Но ведь она сильно встревожилась, так?

– Да, она встревожена, – задумчиво согласилась Лиза. – Может быть, вы с ней поговорите?

– Без ее заявления полиция почти бессильна, – ответил Франк, пристально глядя на нее.

– Но, может быть, вам удастся ее успокоить, – с оптимизмом возразила Лиза, не замечая, что смяла документ, с которым столько возилась. – По-моему, она... чего-то боится!

Франк кивнул.

– Конечно, мы бы очень хотели побеседовать с ее мужем, поскольку он здесь работает, – примирительно ответил он. – Поэтому я могу заехать к ним домой, верно? – Заметив, что его собеседница немного успокоилась, Франк поспешил сменить тему: – Вы хорошо знали Рейдун Росендаль? Дружили с ней?

Лиза покосилась на часы.

– Мы виделись нечасто. Рейдун в основном работала на выезде, искала новых клиентов... Ну, а я веду переписку, занимаюсь канцелярской работой и так далее.

– Но все-таки вы знали ее хоть немного?

– Да, знала. – Лиза вздрогнула, зажмурилась. – Ее... она долго мучилась? – тихо спросила она.

Франк посмотрел ей в глаза:

– Неизвестно.

Лиза Стенерсен скрестила руки на коленях и что-то пробормотала, не открывая глаз. На шее у нее висел крестик на цепочке.

– Она была потрясающая, – сказала Лиза в конце концов.

– Хотите сказать – красивая?

– М-м-м... ну да, красивые волосы, великолепная фигура...

– А здесь? – Франк постучал себя согнутым пальцем по виску.

– Понятия не имею, – с улыбкой ответила Лиза Стенерсен. – Думаю, и там у нее было все в порядке, но... она это тщательно скрывала. – Она посмотрела в пол. – Знаете, есть такие люди... их до конца не поймешь, во всяком случае, так кажется! – Тут она немного оживилась: – Когда с ними общаешься, кажется, что говоришь с персонажем из телевизора... Все, что они произносят, ясно и понятно, только никак не можешь взять в толк, к тебе ли они обращаются.

Франк медленно кивнул. Лиза Стенерсен напоминала одну из подруг его матери... Да, наверное, они с Рейдун были словно люди с разных планет. От Франка не укрылась аккуратная прическа собеседницы. На столе, рядом с коричневой дамской сумкой, лежала стопка женских журналов. Обручальное кольцо врезалось в пухлый палец. Лиза Стенерсен – типичная представительница армии матрон, которые пекут меренги, красивые именинные торты, которые знают, что творится в английской королевской семье, и умеют выращивать из черенков бегонии к Рождеству. Разница в возрасте с Рейдун Росендаль – лет тридцать. В некоторых случаях разница в возрасте почти не имеет значения, а иногда служит непреодолимым препятствием.

Лиза Стенерсен поежилась под его взглядом и отвернулась.

– Значит, она не была типичной тупой блондинкой, – полувопросительно произнес Франк, однако Лиза молчала. – У нее было много поклонников?

– Не знаю. Во всяком случае, ни о каком постоянном спутнике жизни она не рассказывала. Раньше, бывало, они с Брегором все подшучивали друг над другом. Но для нее такая обстановка была привычной, понимаете? Рейдун, наверное, привыкла, что с ней все флиртуют и так далее. – Последние слова сопровождалась застенчивой усмешкой. – Вокруг нее всегда возникала легкомысленная атмосфера, – добавила Лиза.

– Значит, вы не особенно дружили с ней?

– Нет.

– Знаете, с кем она ближе всего общалась?

– С Кристин Соммерстедт... Правда, она служит не у нас, а в приемной внизу, – с готовностью продолжала Лиза. – Вы, наверное, ее видели.

Фрёлик вспомнил красавицу с родимым пятном под губой.

– По-моему, у них было много общего, – продолжала Лиза и снова покосилась на часы. – Как по-вашему?...

– Да, никаких проблем, – дружелюбно ответил Фрёлик. – Отлично! Если у нас появятся вопросы, мы с вами свяжемся.

– Я с радостью приду в полицейское управление, – объявила Лиза, хватая стопку журналов и сумочку. Посмотрела на часы. – Просто мне надо...

– Никаких проблем! – улыбнулся Франк, провожая ее к лифту.

– А вы не едете? – удивилась женщина, когда он не вошел в кабину.

Фрёлик не ответил. Примирительно улыбнулся и подождал, пока закроются двери.

Глава 11

Франк медленно ходил по залу. Обстановка скудная. Письменный стол, разнообразная офисная утварь. В нише стоят два дивана и пара хороших кресел – наверное, тут проводят совещания. Импровизированный конференц-зал отделен от общего помещения довольно высоким шкафом с документами.

Он не спеша брал с полок буклеты, листал их. Разглядывал стоящие на полках брошюры. Попробовал открыть дверцу в шкафу, но шкаф оказался заперт. Франк нахмурился. Подергал выдвижной ящик вниз. Заперто! Все ящики оказались запертыми. Замок новый, но в щели между металлической коробкой и каркасом видны зазубрины. Значит, кто-то вытаскивал ящики, а после замок сменили. «Кому понадобилось взламывать шкаф с документами? В крошечной компании всего пятеро сотрудников. Неужели они друг другу не доверяли?»

Свет из окна падал на два других письменных стола. На одном, сбоку от телефонного аппарата, лежала белая бумажная полоска. Стол Рейдун Росендаль. Ее имя аккуратно выведено синими чернилами. Почерк мелкий, с завитушками... Он сел за ее стол. По очереди выдвинул все ящики. Среди содержимого не оказалось ничего любопытного. Точнее, там почти ничего не было. Ни ежедневника, ни личных документов. Только запасные ручки, цветной картридж для принтера и несколько папок. По дну еще одного пустого ящика каталась пустая бутылка из-под кока-колы. На столешнице под стеклом лежала небольшая фотография вроде той, какую делают на паспорт.

Он приподнял стекло, вытащил фотографию и посмотрел на нее. Черно-белый снимок. Лицо в полупрофиль. Блондинка откинула голову назад и поправляет волосы, самодовольно глядя на себя в зеркальце. Ей явно нравится свое отражение. Что вполне простительно, ведь она была молода...

Он положил фотографию на стол. Интересно, давнишний ли снимок? Снимали ее в машине; ему показалось, что у нее на глазах дымка. Возможно, на фотографии она слегка навеселе. Волосы длинные, химическая завивка. У девушки, чье тело он видел на полу, волосы были сравнительно короткими и торчали дыбом. Значит, фотография не из последних.

Брегор сказал: «Ей нравилось сзади». На снимке Франк обнаружил то, что невозможно было разглядеть на застывшем мертвом лице. Фотографу удалось поймать своеобразный изгиб ее губ. Чувственность...

Брегор и ему подобные много потеряли, подумал Франк, убирая фотографию во внутренний карман куртки.

Тут загудел лифт. Кабина остановилась на его этаже, и из нее вышла женщина.

Глава 12

Незнакомка в расцвете лет. Фрёлик заметил полные губы и неброский макияж. Элегантная сумка на ремне хлопала ее по бедру, когда она, тяжело дыша, направилась к нему, нагруженная покупками. Тяжело опустившись в кресло, она заметила гостя, поспешившего встать. Она тоже встала и сделала шаг навстречу, на ходу стаскивая черные кожаные перчатки. Кисти у нее оказались тонкие, изящные, сухие и приятные на ощупь. Когда Франк пожал ей руку, звякнули тонкие браслеты на запястье.

– Доброе утро, – улыбнулась незнакомка. – Я Соня Хагер.

С ней в помещение как будто проник свежий воздух. Когда Фрёлик представился, она пытливо заглянула ему в глаза.

– Значит, это с вами я говорила по телефону! – воскликнула она и, чуть понизив голос, продолжала: – Мы все ужасно подавлены... Одно дело – видеть, как человек умирает, и совсем другое – узнать, что ее убили, да еще так ужасно. – Она подошла к лифту, сняла шубку, повесила ее на крючок. Под шубкой на ней оказались юбка-брюки и цветастый жилет поверх свободной блузки. Темные густые волосы свободно спадали на плечи. Ухоженная, видно, богатая дамочка! Такие ездят в дорогих машинах и почти наверняка коллекционируют фарфор Копенгагенского королевского завода.

– По-моему, некоторых мужчин нужно кастрировать, – продолжала Соня Хагер, поправляя блузку.

Франк заметил у нее на шее две цепочки. Короткую золотую и вторую, подлиннее. Кулона не было видно; видимо, он скрывался в ложбинке между грудями, которые свободно колыхались под одеждой.

– Пока не установлено, подвергалась ли она сексуальным домогательствам.

– Но это же совершенно очевидно! – Соня Хагер достала из ящика пачку печенья, помахала ею в воздухе. – Кофе хотите?

- Да, пожалуйста.

Она набрала внутренний номер, негромко поговорила.

- Так будет лучше, - пояснила она, положив трубку. - Не хочу, чтобы меня допрашивали в столовой.

- Это не допрос.

- Называйте как хотите.

Она села на диван по другую сторону стола.

- Ради Рейдун вы должны как можно скорее схватить того, кто ее убил.

Франк, словно извиняясь, помахал перед ней блокнотом.

- Вы хорошо ее знали?

- Нет, почти совсем не знала. У нас она проработала недолго... Но она была очень... - Соня задумалась. Какое-то время рассеянно смотрела вдаль. - Очень позитивной, - задумчиво заключила она. - Мы с ней неплохо ладили, - продолжала она. - Умная девушка, которая умеет себя вести, производит благоприятное впечатление... Но близкими подругами мы не были.

Франк кивнул. Да, наверное, между малогабаритной квартиркой в Грюнерлёкке и дворцом, где наверняка обитала его новая знакомая, пролегает настоящая пропасть.

- Она определенно была хорошим агентом по продажам, - продолжала Соня Хагер.

Разговор прервало появление пожилой женщины, которая несла на подносе две чашки кофе. Поднос она поставила на тумбу у двери. Соня встала, чтобы взять поднос. Перед тем как выпрямиться, мотнула головой, поправляя волосы. Села, закинула ногу на ногу, надорвала упаковку сливок, вопросительно посмотрела на Фрелика.

От сливок Франк вежливо отказался, сказав, что любит черный кофе. Он осторожно отпил маленький глоток и спросил:

- В каком смысле - «хороший агент по продажам»?

- В каком смысле люди умеют хорошо что-то продавать? - улыбнулась его собеседница.

Франк понял, что разговор будет не из легких.

- Ну... - Он не спешил с ответом.

- Хороший агент по продажам должен быть ловким и изворотливым, - продолжала Соня с прежней улыбкой. - Общаясь с такими людьми, трудно сказать, о чем они думают на самом деле...

Неужели она на что-то намекает? Фрёлик всматривался в ее лицо. Странно... Улыбается благожелательно, но как-то заученно, а глаза... Глаза мечут молнии.

- Рейдун Росендаль обладала такими качествами?

- Рейдун была умна, привлекательна и... молода.

- У нее были враги здесь, на работе? - хладнокровно спросил Фрёлик.

- Ну что вы!

- А люди, к которым она относилась особенно тепло?

- Нет, - ответила Соня, отпив кофе.

- Брегор утверждает, что одно время они с ней встречались, - заметил Франк, полистав блокнот.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tn.knigapoisk.com/hell-ola-dal/smertelnye-investicii-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)